

Федор Масловский

БЕЛОПЛЕЧИК

необыкновенная история
обыкновенного воробья

ФЕДОР МАСЛОВСКИЙ

БЕЛОПЛЕЧИК

необыкновенная история обыкновенного воробья

1991 год

Федор
МАСЛОВСКИЙ

БЕЛОПЛЕЧИК
необыкновенная история
обыкновенного воробья

Корректор В. И. Рожко.

Сдано в набор 21/IX 1995 г. Подписано
в печать 25/I 1996 г. Формат 60x84¹/₁₆.
Бумага газетная. Гарнитура новожурналь-
ная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,26.
Тираж 3000. Заказ 3324.

Отпечатано в типографии КнААПО.
681018 г. Комсомольска-на-Амуре,
ул. Советская, 1.

1. ВОРОБЕЙ ЗА ОКНОМ

В городе мы жили десятый год, а меня все тянуло в деревню, ведь в деревне прошло мое детство. И жена моя Нина Евгеньевна выросла в таежной глуши, в рабочем поселке Халан, что на нижнем Амуре. Так что мне не трудно было уговорить ее перебраться жить в деревню. Благо и предложение нам подвернулось лестное: учительствовать в селе Полетное, что на юге Хабаровского края.

Село нам понравилось и работа нас устраивала. Нина Евгеньевна стала преподавать в школе русский язык и литературу, а я — географию и рисование. Дети наши уже подросли. Зоя училась в шестом классе, а Миша — в восьмом.

С наступлением учебного года я организовал юнатский кружок.

Вскоре была объявлена Всероссийская операция «Муравей» по охране и расселению рыжих лесных санитаров. Мы сразу же включились в нее и стали вести наблюдение за муравьями.

Незаметно подбирались осенние холода. Наши друзья-муравьи готовились к зимней спячке. А чтобы продолжить наблюдения за муравьями в зимнее время, юнаты, по моему совету, поселили муравьев в террариумах. Свой террариум мы поставили на подоконнике с солнечной стороны. Муравьи были в тепле, сыты и не собирались ложиться в зимнюю спячку.

С Мишей и Зоей я договорился: в свободное время они будут вести наблюдения. Завели дневник. И почти каждый день в нем стали появляться записи.

Однажды воскресным декабрьским утром в комнату заглянул солнечный снежный свет. На полу, на занавесках, на шкафу — везде был блеск утра. Я подошел к окну, а там на подоконнике сидит Мурка. Сидит словно в маскировочном халате из трех цветов: черного, белого и коричневого, поглядывает то в окно, то на муравьев в террариуме.

Я ей говорю:

— Что, Мурка, тоже ведешь наблюдения?

— Муррм, — ответила кошка.

— Давай, давай. Хорошо бы тебя еще научить писать, а то нам некогда дневник вести.

— Папа, что тебе Мурка говорит? — прибирая постель, спросила Зоя.

— Говорит, что увидела воробышка. Ни просто воробышка, а настоящего воробья.

А воробей за стеклом окна видно замерз, весь взъерошился, раздулся, ему так теплее. И не боится ни кошки, ни меня. Соображает птица, что находится в безопасности. Сидит на оконном сливе, и нет-нет да и стукнет клювом по стеклу. Подошла Зоя.

— Бедняжка, есть захотел, — пожалела Зоя, — и не знаешь ты, что

выдержит. Ну, что ж, думаю, что понравится не только Белоплечичу, но и другим птицам. Теперь главное, чтоб на ней всегда был корм. А посетители найдутся.

С первым заданием ты справился хорошо, можно сказать отлично... А теперь подумай, как поймать Белоплечика, да так чтоб не повредить его.

— Зачем?

— Как зачем? Ты же сам говоришь, что воробьи все схожи. А как мы будем узнавать своего?

— Надо пометить... А как будем метить? — спросил Миша.

— Вперед надо поймать. А чем и как метить, я потом покажу. Все уже подготовлено, дело за воробьем.

В понедельник, перед уходом в школу, я в кормушку насыпал овсяной сечки. А вечером, за ужином, спросил: «Кто-нибудь видел воробьев у кормушки?». Все молчали. «Может не нравится им этот корм?» — подумал я и подсыпал пшенички.

На другой день опять на кормушке никого не заметили. На третий — положил хлебных крошек и кусочек несоленого сала. А сам думаю: «Неужели они сыты? А мы стараемся...».

К обеду четвертого дня в кормушке не оказалось хлеба. Значит кто-то был. Я Мишу спросил: «Как, ловушка готова?» — «Готова. Сейчас покажу». Принес и говорит: «Пойдет?».

— Пойдет. Все как надо. Молодец, — похвалил я Мишу.

А ловушка была совсем проста. Квадратная площадка сбита из нестроганных дощечек. По площадке забито десяток маленьких гвоздиков. К гвоздикам привязаны петельки. Петельки из тонкой жилки и мало заметны на лияных дощечках.

— В воскресенье будем смотреть, как она сработает. А пока уברי в летнюю кухню. Пусть полежит.

В пятницу и субботу я уже и сам видел, как на кормушке клевали зерно то два, то три воробья.

В выходной день я проснулся рано. Мы на ночь никогда не выключаем радио, и оно нас будит. Приучили себя спать под музыку. Проснулся и мысли мои сразу о воробье. Меня беспокоило: как бы не вывихнул воробей лапку, когда попадет в петельку. Стыдно будет, если ни за что накажем ни в чем неповинную птаху.

В это утро я почему-то немного торопился.

Мне хотелось, чтобы побыстрее светало, чтобы побыстрее варился завтрак (я чаще обычного заглядывал в печку, подкладывая полешко за полешком). Тормошил ребятшек: «Уже восемь часов и пора вставать». Я сочувствовал им: очень хочется дольше поспать и понежиться в постели, ведь такое бывает раз в неделю, и они ждут со дня на день зимних каникул, чтобы отоспаться, и я все же будил их. Мне так хотелось, чтобы и завтрак наш прошел пораньше. У меня было такое состояние, как будто бы я готовился к операции по захвату фашистского «языка», как это и было на войне. Переживаю, тороплюсь, а время идет

так медленно, что в своих мыслях стал обижаться на очень короткий декабрьский день и длинную ночь. Ведь не зря в народе говорят: «Декабрьский денек — с воробьиный скок». Тут же припомнилось, как моя мать, Пелагея Моисеевна, в декабрьский солнцеворот говаривала: «Варвары» ночи урвали, а день приточали». Это означало, что с двадцать шестого декабря на христианский праздник «Варвары» ночи убывают, а день прибывает на одну минуту. Поэтому люди и стали говорить: «После солнцеворота хоть на воробьиный скок да прибудет денек».

Чтобы как-то заполнить время ожидания, я сел у кухонного окна так, чтобы было хорошо видно беседку. И тут мои мысли о воробье прервала Нина Евгеньевна.

— Что ты путаешься под ногами? Иди мышек ловить... Еще себе не сварила, а тебя уже корми...

— Мурка, ко мне. Нечего болтаться под ногами. Иди лучше поболтаем с тобой.

Мурка запрыгнула мне на колени и запела свою бесконечную песенку.

— Послушай, Мурка, сегодня после завтрака Белоплечика ловить будем.

— Зачем?.. Что вам делать нечего. Воробья вздумали мучить! — возмутилась Нина Евгеньевна. — Ты что его кошке отдать хочешь?

— А что? Воробьи жирные, — пошучиваю я.

— Так я и позволю вам, — Нина Евгеньевна топнула ногой и крикнула: — Брысь!

Мурка мигом убежала из кухни.

После завтрака, убрав посуду со стола, мы начали пристраивать ловушку для Белоплечика.

В стакан я насыпал пшена и Мишу послал за ловушкой. Ловушку положили на птичий столик. Раздвинули петельки. В середину ловушки насыпали пшена. Проверили: все вроде бы нормально. И что-то я вспомнил про хлеб. Говорю: «Несика-ка кусочек хлеба. Пусть будет еда на любителя: кому — крупа, а кому. — хлеб». Разломил кусочек на четыре части и положил по углам ловушки.

Когда мы готовили ловушку, Марс скулил, порывался поучаствовать с нами в таком важном деле, но не мог, так как сидел на цепи. Он все время прыгал то на завалинку, то с нее. Очень любопытный у нас пес.

Приготовив ловушку, я взглянул на Марса и увидел на лбу над левым глазом в рыжей шерсти большой блестящий шрам. Это ему отметку сделал копытом дикий кабан, когда Марс преследовал его на охоте.

Беседка недалеко от окна и ловушка нам хорошо видна. Я начал было уже инструктировать Мишу, что делать, когда в петельку попадет воробей, как вдруг видим: к беседке подлетела синичка и уселась на веточку сливы.

— Внимание! Появилась синица!

— Пап, не хочу, чтобы она попала в петельку, — сказала Зоя.

— Не волнуйся. Посмотрим на что она способна.

— Хоть бы не попалась, — продолжала тревожиться Зоя.
Синичка осмотрелась, перепорхнула с веточки на веточку и — раз на ловушку.

— Ой! — вскрикнула Зоя и закрыла ладонью глаза.

— Что ойкаешь.

Зоя открыла глаза, а синички на ловушке уже нет. Она сидит на веточке ясеня и из-под правой лапки долбит кусочек хлеба.

Синичка склевала хлеб, о веточку почистила клювик и опять села на кормушку. Зоя и ойкнуть не успела, как синица унесла второй кусочек хлеба на тот же яшень. Уселась на ту же веточку и из-под той же лапки опять стала клевать хлеб.

— Пап, почему не прилетают воробьи?

— Прилетят, не торопись. А вы заметили, что синица второй раз берет кусочек хлеба правой лапкой?

— Нет.

— Какие же вы наблюдатели, смотреть зорче надо.

— Не так-то просто ее поймать, — вступил в разговор Миша. — Ты бы лучше сказала, почему она берет хлеб правой лапкой? Вот загадка.

— Люди тоже больше работают правой рукой.

— Неужели все птицы больше работают правыми лапками? — озадачилась Зоя.

— Не только птицы, может и животные, — добавил я. — А что? Не плохо было бы обратить внимание на нашу домовую живность. Как вы на это смотрите?

— Некогда мне сидеть и ждать, когда Марс заработает правой лапой, — попытался сострить Миша.

— А ты не жди. Подойди и скажи: «Марсик, дай лапу». И увидишь, какую он подаст... правую или левую?..

— Ну вот... Наконец-то, дождались, — глядя в окно, сказал Миша.

— Воробьи, — шепотом сказала Зоя. — Смотрите, на сливу сели. Один, два, три, четыре... Еще прилетели...

— Осторожничают. Сразу заметили, что на кормушке сегодня что-то не так, как было вчера.

— Я слышала, как дедушка Королев внучонку сказал: «Глуп, как воробей». Что, воробей действительно глуп?

— Чепуха. Не знают птицу и говорят. Был бы глуп, давно бы залез в петельку. А то смотри, как внимательно изучают новую обстановку. Сидят и не двигаются, только головками крутят туда-сюда. С виду как будто им и дела нет до ловушки, а сами себе на уме. С ловушки глаз не спускать, — говорю Зое, — а ты, Миша, как только на ловушке хоть один воробей крыльями замашет, то пулей к нему и придержи. Ясно?

— Будь сделано! — отчеканил Миша и тихо вышел в сенцы.

Мы смотрим и смотрим на воробьев, а они сидят и сидят. У меня от напряжения даже глаза устали.

— Вот долгодумы, — буркнула Зоя и поправила очки.

Вдруг один воробей, что сидел выше всех, вытянул шею в сторону ловушки, вспорхнул и присел на уголок.

— Сел. Скажу Мише, — поторопилась Зоя к двери.

— Смотри, не хлопни дверью, а то вспугнешь.

Чуть приоткрыла дверь и шепотом: «Воробей сел».

— Вижу, — ответил Миша. — Дай шапку.

Зоя вернулась к окну, забросила косичку на плечо и давай теребить бантик.

— Не переживай. Все будет нормально.

Воробей приподнялся на лапках, вытянул шею, крутнул головой и стал клевать хлеб. Тут, почти разом, на ловушку прилетели все воробьи и стали клевать. Торопятся. Только и видно, как мелькают головки — вниз-вверх, вниз-вверх. Вдруг один как клюнет соседа в спину. Тот, как порхнет — и забился на месте.

— Беги! — крикнул я.

— Скорей! — крикнула Зоя.

Мы рванули к выходу и застряли в дверях. Пока разбирались кому уступить, Миша с гордостью крикнул:

— Два!

— Хотели одного, а попало два. Как же хорошо!

Мы довольны, а воробьям страшно. Вырываясь из Мишиных рук, воробьи пищат, клюются, глазенками сверкают.

— Спокойно, воробышки, спокойно, — говорю им. — Глупенькие, никто вас и не собирается обижать.

— Сам говорил, что воробьи не глупые, а сейчас говоришь глупенькие, — посмеивается Миша.

— Не дергайтесь, мы только пометим вас и отпустим, — успокаивала пленников Зоя. — Марсик, хватит гавкать. Наши крохотульки и так напугались, а ты «гав да гав».

Зоя быстро освободила лапки и мы пошли в избу.

— Мурку отправь на улицу, — говорю Зое, — а то натворит беды.

3. ПЕРНАТЫЙ «ЛЕЙТЕНАНТ»

Выдворив кошку на улицу, мы прошли в кухню и стали знакомиться с пойманными воробьями.

— Зоя, возьми одного, Мише неудобно двоих держать. Да смотри не упусти, а то с испугу полетит, ударится об окно или стену и убьется.

Зоя начала брать воробья, и я увидел, что на груди у него нет темного пятна и говорю:

— Вот досада, воробей, да не тот, что надо.

- Как не тот?
- А вот так. Самочка.
- Ууу, — загудела Зоя.

Миша быстро разглядел своего воробья и говорит:

- А у меня не такой.
- Вот такого, как у тебя, нам и надо. Это и есть Белоплечик. А у тебя? — я посмотрел на Зою.

— Белоплечиха, — пошутила Зоя.

— А у тебя воробей-самочка. Смотри, в каком скромном она наряде. Буровато-серая шубка с белыми пестринками на спине. Вот и весь ее наряд. А у Белоплечика совсем другое: кроме серой шубки темный бант на груди, и на плечах белые погоны.

— Настоящий франт, — сказал Миша.

— Это же сельский стилига, — хихикнула Зоя.

— Хватит смеяться над птахой. Назвали Белоплечиком, пусть и живет с этим именем.

— Самочку можно отпустить? — спросила Зоя.

— Да, конечно.

Зоя вернулась с улицы и радостно говорит:

— Разжала руки, он — фыр! — и за дом. Еще в тайгу улетит?

— Не улетит. Это же домовая птаха. Жизнь ее связана с домом, с человеком, с домашними животными: коровами, лошадьми, собаками, и...

— ...и курами, — шутливо продолжала Зоя.

— ...и курами, — соглашаюсь. — Так что эта птичка от дома ни-ни-ни... Иной жизни эти воробьи и знать не хотят. Поэтому и прозвали птаху домовым воробьем.

Рассказываю, сам готовлю анилиновые краски, подбираю одинакового размера два алюминиевых колечка.

— Теперь давайте мне Белоплечика, я буду держать, а вы наряжайте его.

— Да он и так красивый, — говорит Зоя.

Красивый да не совсем. Миша назвал его франтом. Надо и нарядить так, чтоб он стал настоящим франтом. Сейчас ты, Зоя, придержи одну лапку, а ты, Миша, бери колечко и надевай на другую, только осторожно.

— Не слетит оно? — спросил Миша.

— Наденешь, немного подожмешь, не слетит.

— Больно не будет? — спросила Зоя.

— Не будет. Проверено.

Миша надел колечко, покрутил его и отпустил лапку.

— Теперь второе таким же способом надевай.

Миша и второе надел.

— Белоплечик в красных сапожках! -- воскликнула Зоя.

— Это уже настоящий франт, — сказал я.

— Такого франта воробьи не признают, будут шарахаться, — озабоченно сказал Миша.

— Наоборот, будут завидовать. Чем ни сапожки? А?

Не выпуская воробья из рук, я поставил его на стол. Воробей раз и сделал отметку. Мы дружно захохотали. Зоя быстро взяла тряпочку и убрала помет.

— Вы что птичку обижаете? — из рабочего кабинета слышался голос Нины Евгеньевны.

— Мамуля, мы не обижаем, а наряжаем, — посмеиваясь говорит Зоя.

— Посмотри, какие у него модные красные сапожки.

Нина Евгеньевна зашла на кухню, взглянув, выпалила:

— Не Белоплечик, а гусар в красных штанах!

— Не гусар, а Белоплечик в штанах, — поддержал игру Миша.

— Как вам не стыдно! Надо же, мучают воробья, — возмутилась

Нина Евгеньевна.

— Мы экспериментик проводим, — защищается Миша.

— Сама же говорила, что на него надо дневник вести, а как мы его на улице опознаем? Вот и наряжаем, — оправдывалась Зоя.

— Хватит болтать. Надо быстрее кончать, а то и впрямь замучаем воробья. — Я взял кисточку.

— Дай я, — попросил Миша.

— Одну минуточку. Сначала посмотри. Видишь в какую сторону перышки направлены. В таком направлении и кисточку надо вести. Вот так..

— Понял, давай я.

— А я Белоплечика подержу.

Зоя взяла у меня воробья. Миша нарисовал второй погон и ставит на него красную точку.

— Это зачем? — попытался остановить я.

— Наш Белоплечик будет офицером. А у офицеров на погонах есть звездочки. Я и поставил... Это будет мой дворовый лейтенант. Пусть командует воробьиным войском, — Миша утвердил воробью новую кличку и сразу же присвоил ему звание — младший лейтенант.

— Одному воробью, а сколько кличек надавали. Вы посчитайте только: Белоплечик — раз, франт — два...

— Лейтенант — три, — сказал Миша.

— Гусар — четыре, — продолжила Зоя.

— Уж не много ли одному воробью? — говорю я.

— Пусть будет много кличек. Это так интересно! Я буду звать его Белоплечиком. Миша — лейтенантом, мама — гусаром, а ты, папа, — франтом, — заключила Зоя.

— Нет, я его буду звать только Белоплечиком. Мне эта кличка нравится, она ему так подходит.

— Можно отпускать? — спросила Зоя.

— Обожди, на второй-то погон забыли поставить звездочку.

Миша быстро поставил красную точку. Мы вышли на улицу.

— Марсик, смотри, как наш ряжёный полетит, — сказала Зоя.

— Отпускай, пусть на радость людям живет, — тороплю я.

Зоя медлит.

— Ну, давай, чего держишь! — сердится Миша.

— Расставаться жалко, — вздыхает Зоя и целует воробья в голову.

— Поставь его на кормушку и быстро убери руки, — приказываю.

— Ага. Он опять поймается в петельку.

Миша убрал ловушку. Зоя поставила Белоплечика на кормушку и разжала ладони. Воробей взмахнул крыльями и полетел. Марс гавкнул. Белоплечик свернул в сторону ясеня, сел на веточку, отряхнулся и стал озабоченно клевать колечки.

— Он не снимет их? — заволновалась Зоя.

— Не так-то просто их снять.

— А больно ему не будет?

— Они легкие, на лапках держатся свободно. День-два и привыкнет.

— Пап, как думаешь, он от нас не улетит?

— Думаю, что нет. Это же наш домовый...

— Лейтенант, — поспешил сказать Миша.

— Надо только, чтобы на кормушке всегда был корм... До скорой встречи, Белоплечик!

— До свидания! — помахала рукой Зоя.

На исходе был декабрь. Мы так увлеклись подготовкой к Новому году, что позабыли о Белоплечике. Я как-то за ужином своих спросил:

— Белоплечика не видели?

— Сутками дома не бываем, есть когда за воробьями смотреть, — недовольно проговорила Нина Евгеньевна.

— И то верно, однако где же он?..

Все молчали.

Закончилась вторая четверть учебного года. Ребята, отпраздновав Новый год, пришли домой, кто-то из них принес куклу — симпатичного негритенка и поставил на письменный стол. Я невольно ей залюбовался и спросил:

— Откуда взялся негритенок?

— Я принес, — сказал Миша.

— Где взял?

— За первое место, — с гордостью сияющий сказал Миша. — Мы с Ивановым Витей были гусарами, вот и заработал...

— Молодцы. Значит, хорошо потрудились. Игрушку береги. О школьной жизни память будет... Говоришь, гусаром был? А красные штаны у тебя были?

— Не было таких штанов, — с сожалением ответил Миша.

— Тебе надо было у Белоплечика на время попросить, — подковырнула шутиливо Зоя.

— Не будем... Ты-то что заработала?

— Я-то... по-гре-муш-ку.

— Ууу! — загудел Миша. — Спрячь и никому не показывай.

4. ГДЕ ЖИВУТ ВОРОБЬИ?

Как-то расчищал дорожки от снега в садике. Слышу, стучат в окно. Я обернулся и увидел Зою. Она немо заговорила губами, а что, не пойму. Я указал на свое ухо и махнул рукой: «Не слышу».

Очистив дорожку до самой беседки, я пошел в дом. Зашел, стал раздеваться, Зоя мне и говорит:

— Папа, можно зерна прямо на землю насыпать. Верно?

— Конечно, можно. Это ты хорошо придумала. Возьми крупы, хлеба и посыпь возле беседки.

Под вечер я вышел покормить Марса и увидел на штaketной изгороди, около новой земной столовой, трех воробьев. Белоплечика среди них не было. Я остановился. Марс, требуя ужин, от нетерпения гавкнул. Воробьи тут же вспорхнули. Мне осталось одно: поставить миску около Марса и за несдержанность поругать его.

На другой день я еще не успел отправиться в школу, как Нина Евгеньевна, сходяв на летнюю кухню, оповестила: «Идите на улицу. Воробьи на дорожке клюют. Может и Белоплечик там?» Мы с Зоей, накинув на себя одежду, тихо вышли на улицу. Следом за нами — Миша. Каждый определил себе наблюдательный пункт. Среди десятка воробьев я сразу увидел погон Белоплечика. Вдруг слышу немного басистый, но тихий голос Миши: «Лейтенант здесь».

Как бы тихо Миша не сказал: лейтенант здесь, Марс все же услышал и, гремя цепью, стал вылезать из конуры. Воробьи с шумом взлетели и уселись на штaketную изгородь.

— Папа, смотри, наш Белоплечик! — с восторгом произнесла Зоя. Он с моей стороны.

— Все в порядке, Белоплечик жив, здоров, — говорю ребятам. — Не надо их пугать. Пусть клюют пшеничку, а то не выдержат мороза. Сегодня по радио передавали: температура минус двадцать восемь. При таком холоде на западе дети в школу не ходят. А птицам какво? Взгляните вон на того, что в середине. Какой он чумазый.

— Как трубочист, — вставила Зоя.

— Будешь трубочистом, когда не знаешь, куда деваться от такого холода. Представь себе, мы на ночь печи натопим, да еще под ватное одеяло спрячемся, а ему где укрыться. Кто знает, где эта отважная птаха ночует? На чердаке или за карнизом какого-нибудь дома, или в печной трубе.

На другой день Нина Евгеньевна сказала, что видела Белоплечика.

— Говорил же вам, что он далеко от нас не улетит, — оживился я. Воробей не боится ни собак, ни машин, ни наших ловушек. Он не боится даже ружейных выстрелов. И как только люди не уничтожали этих доверчивых птиц! А наши домовые Белоплечики живут и в городе и в деревне, у скотных дворов и у шумных мастерских, на вокзалах и у

магазинов. Домовый воробей у нас везде. Вот только на Новой Земле, на Таймыре, на Чукотке и на Камчатке не живет отважный удивительно живучий Белоплечик.

5. ГОЛУБАЯ СОРОКА

Однажды, проходя по улице, увидел на помойке голубую сороку, которая вместе с воробьями добывала себе корм. «Такая чистоплотная красавица и вдруг на помойке, — подумал я. — Значит голод заставил. Не зря говорят в народе: — Голод-не тетка».

Осенью голубые сороки кочуют по перелескам и поймам рек. Человека на ружейный выстрел не подпустят. Зимой же подошел метров на пять. И до чего же она окраской красива. Никто и никогда ее не спутает с белобокой сорокой. Хвост длинный, ступенчатый, верх головы черный, спина и надхвостье буро-серые, кончик хвоста, горло, щеки, грудь и брюшко с буроватым налетом, крылья и хвост — голубые. Величиной раза в два меньше, чем сорока-белобока.

Такую трещотку, как белобокая сорока, люди почти по всей стране знают, а вот голубую можно встретить только на юге Хабаровского края, в Амурской области, в Приморском крае и на далеком от нас Перинейском полуострове, в Испании. Больше на земном шаре ее нигде нет. Вот интересно-то!

Наблюдая за сорокой я подумал: «Что если и для голубой сороки устрою отдельную столовую».

Вдруг с трескотней на помойку опустилась белобокая сорока. Воробьев и голубую сороку, как ветром сдуло. Я опять вспомнил родную мать. Бывало она, как увидит сороку-белобоку (голубых она никогда не видела), сразу пропоет: «Ты, сорока-белобока, научи меня летать...».

Иду, мысленно изобретаю новую столовую и посмеиваюсь над собой. Узнает Нина Евгеньевна про мою идею, сразу скажет: «Помешался ты на столовых. У тебя что других дел нет? Пусть твои юннаты этим занимаются». И решил о новой задумке пока не говорить.

На другой день в ведро, для мойки полов, я налил воды, взял велик и вышел на улицу. Возле куста черной смородины, макая веник в воду, обрызгал сугробик. Потом положил в миску вареного картофеля, кусочков хлеба, каши и отнес на обледенелый бугорок. А чтобы корм не сдуло ветром, обрызнул водой. Белоплечiku насыпал пшенички.

Вскоре я заметил, как на дереве вблизи ледяного бугорка восседала ворона. Я не сомневался, что она уже отведала мое угощение. Меня немного огорчило: «Старался для голубой сороки, а тут неожиданный гость — ворона». Зоя тоже обратила внимание на появление ворон и спросила:

— Папа, не знаешь почему на деревьях сидят вороны? Как ни посмотрю в сторону садика, они все сидят и сидят, раньше их не было.

— Раньше не было, а сейчас сидят, говоришь? Это только мне известно, почему наш садик начала посещать Карповна.

— Я тебе про ворону, а ты мне про какую-то Карповну, — обидчиво сказала Зоя.

— Какую? Ты не читала на днях в отрывном календаре стихотворение «Красавица»?

— Нет.

— А я читал. Оно мне так понравилось, что я его даже выучил. Там есть строки: «Как тебя зовут, ворона? — Карр-повна!..»

— Теперь буду знать, кто такая Карповна, — Зоя отложила учебник, взяла календарь, нашла стих и стала читать.

6. МАРС КОЛЛЕКЦИОНЕР

Ежедневно вечером я добавлял на ледяной бугорок немного съестного. Каждый раз, к вечеру другого дня, его уже не оказывалось. Иногда я видел, как вкусную пищу склевывали Карповны. До восхода солнца на ледяном бугорке завтракали также воробьи. На всех, конечно, корма не хватало, и поэтому между ними случались и потасовки. Съев корм, вороны долго не покидали высоких деревьев. Лишь незадолго до захода солнца Карповны улетали на ночлег.

Как-то февральским днем я задержался в школе и торопился домой. Приблизился к скверу и вдруг слышу громкое «чиийиль». Сердце екнуло, и я остановился. Постоял, туда-сюда посмотрел, повторного «чиийиль» не услышал. «Голубая сорока объявилась или мне кажется?» — чуть приподнял меховую шапку, и уже ясно слышу разноголосое стайное чирикание. Подхожу ко двору и вижу возбужденных воробьев, облепивших черемуху. Остановился, слушаю первый зимний воробьиный хор и размышляю: «Это ведь только домовые воробьи могут дать такой замечательный концерт в февральскую стужу. К чему бы? Ни торжественную ли встречу организовал мне Белоплечик за то, что их постоянно кормлю? А концерт хоть на магнитную ленту записывай».

Только помыслил, воробьи замолчали. Я стал глазами искать Белоплечика, да где уж разглядеть, когда в стае не меньше полсотни непрерывно меняющих место, птиц. Марс увидел меня, вскочил на завалинку и заперебирал лапами, потом умоляюще заскулил. «Обожди, сейчас отпущу. Успеешь набегаться», — глажу пса по голове. Он лизнул руку, норовит лизнуть лицо. «Фу ты! Да отпущу я тебя. Сейчас разомнешься», — успокаиваю Марса и растегиваю ошейник. Марс, почуствовал, что ошейник ослаб, рванулся, лапой толкнул калитку и выскочил со двора.

Калитка хлопнула, воробьиная стая улетела. Я смотрю на опустевшую черемуху и удивляюсь: «Надо же, сколько их было?! Словно со всей деревни собрались. Может быть лейтенант собрал свое войско. Вечером надо рассказать об этом нашим...»

Стою, Марса поджидаю. Обратил внимание на темную, нависшую над горизонтом с северной стороны, тучу. С юга подует ветер и небо обложит хмарь... Вспомнил приметку погоды. Если облака идут против ветра, зимой жди снега, а летом — дождя. Поэтому и расчирикались воробьи. Забеспокоились перед снегом. Какой же чувствительный народишка — эти воробьи.

В долгом ожидании у меня стали подмерззать ноги, а Марса все нет. «Опять, — думаю, — какой-нибудь экспонат выискивает. Я коллекционирую значки, монеты, а мой четвероногий друг, — отслужившие человеку вещи быта». Первым его экспонатом были ржавые плоскогубцы, потерянные электромонтером. Потом Марс приволок порядочный кусок старой овчины. Так и взял он привычку: как прогулка, так новый экспонат. Находки Марса мы складывали в ящик, а потом решили представить их для просмотра обитателям нашего дома. Над конурой Миша прибил лист фанеры и углем на нем написал: «Редкие находки Марса». К фанере прикрепил овчину, плоскогубцы, кофейник без ручки, дырявую миску, помятую пластмассовую куклу...

Наконец-то, бежит Марс и в зубах что-то несет. Подбежал к калитке, вижу в пасти засохшую в краске кисть.

— Глупый, — треплю загривок собаки. — Думаешь, что и это сгодится в хозяйстве?... Разве только для твоего музея...

Марс разжал пасть, забежал во двор и запрыгнул на завалянку. Я подобрал кисть и прикрепил новую находку.

7. МУРКА-СИНОПТИК

Поднявшись с постели, я вышел на улицу. Шел пушистый снег. Прошел к беседке. Кормушка, облепленная снегом, покачивалась на ветру и напоминала маленький ковер-самолет. Взглянул на кухонное окно, из него чуть брезжит свет. Вернулся и объявляю:

— Друзья! Готовьте валенки!

— Снегу много?

— Без малого по колено.

Миша нахлобучил шапку и первым выбежал на улицу. Вскоре вернулся и хлопает увлажненными глазами.

— Ну, как?

— Холодно. Бррр.

— Белоплечика не видел? — спросила Зоя.

— Смейшься. Ты только выйди.
— И выйду, думаешь снега боюсь. Где сейчас наш..?
— Где-нибудь забился в щель и вспоминает, как лакомился зерном,
— сказал я.

— Хватит рассуждать. Давайте будем завтракать, да пойдем в школу, а то опоздаем на уроки, — сказала Нина Евгеньевна.

Пришел пообедать, разделся и решил посмотреть, чем занимаются дети. Заглянул в зал, а там Мурка лежит на спине посреди комнаты, подогнула лапки и перекачивается с боку на бок.

— Ребята, скорее ко мне!

— Что случилось? — отозвалась Зоя.

— Гляньте, что наша красавица выделяет.

А Мурка валяется и хвостом машет.

— Подметает, чтобы не запылиться.

Зоя с Мишей засмеялись.

Мурка повернула голову в нашу сторону и снова перевернулась.

— Предсказывает сильный ветер, — говорю я.

— Белоплечик тоже может предсказывать погоду? — поинтересовалась Зоя.

— И он может. Я же вчера вам рассказывал, как мне воробьи предсказали снег. Как видите, не ошиблись. Некоторые животные предчувствуют даже такое страшное явление природы, как землетрясение. За минуту-две перед землетрясением коровы мычат, собаки воют, рыбы в аквариумах мечутся. Так что наша Мурка тоже не зря кувыркается. Ждите вьюгу.

К вечеру ветер усилился, запуржило. Ночью проснулся, слышу: гремит гром. Прислушался и сообразил, что это не гром, а сорванная с крыши сарая жесть гроыхает. Сон пропал и полезли в голову разные мысли о птицах, об их бедственном положении в такую погоду. Как же им нужна помощь в такое время. И стал успокаивать себя тем, что пурга здесь долго не продлится — это ведь не север — и больших бед не принесет... Опять завывло, загрохотало.

8. КАК ПРОГНАЛИ КАРПОВНУ

Утром мне стало видно: снежная метель разыгралась надолго. Около дома и вдоль забора уже выросли рыхлые сугробики.

До обеда метель не утихла, небо не прояснилось. Снег швыряло, за углами школы, домов вихрило. На улицу выходить не хотелось. К вечеру, засветлело, я решил покормить Марса. Приготовил еду и подошел к месту его домика, а домика нет. Замело так, что и не подумаешь, что здесь, под снегом обитает жилец. Говорю: «Марсик, кушать». Зашевелился снежный бугорок. Высунулась шелковистая желтой шерсти голова.

Марс увидел миску и вылез из снежного заноса, как медведь из берлоги, схватил кусок хлеба и спрятался.

— Что, не по нраву погодка? — поставил миску и поспешил в дом.

Снял куртку, шапку и говорю: — Вьюги, да метели в феврале прилетели.

— Кому говоришь? — спросила Зоя.

— Вам, кому же. Как уроки?

— Нормально, — сказал Миша.

— Письменные сделала, читаю, — сказала Зоя.

— Что читаешь?

— Есенина. Елена Михайловна нам дает задание к каждому уроку литературы что-нибудь выучить.

— Этим она прививает вам любовь к стихам, — сказала Нина Евгеньевна.

— И развивает вашу память, — добавил я.

— Люблю короткие стихи учить.

— Подыщешь, прочитай мне.

— Обязательно.

Я прошел к своему столу и занялся подготовкой к завтрашним урокам. Поработал немного. Слышу:

— Пап, нашла, про воробьев, слушай.

— Читай, слушаю.

Поет зима, аukaет,

Мохнатый лес баюкает

Стозвоном сосняка.

А по двору метелица

Ковром шелковым стелится,

Но больно холодна.

Воробышки игривые,

Как дети сиротливые,

Прижались у окна.

Озябли пташки малые,

Голодные, усталые,

И жмутся поплотней.

А вьюга с ревом бешеным

Стучит по ставням свешенным

И злится все сильнее.

— Хороший стих. Обязательно выучи.

— Есенин плохих не писал, — сострил Миша.

Утром снег не шел, лишь временами рывком подувал слабый ветер. Я приступил к расчистке подходов до летней кухни, беседки и к стайке — так у нас в Приамурье называют обыкновенный сарай для скота. Снег прилипал к лопате, я нервничал. Потом подумал: «Ведь из такого снега можно вылепить снежную бабу. Надо порадовать детей». Чищу и с тревогой подумываю о школе: «Сегодня надо пораньше пойти, а то

мальчишки обязательно затеяют войну. В этом-то у меня сомнений не было. И девочек снежками закидают, и стекла могут побить».

Вернулся из школы и сразу к кормушке. Повернул ее на бок, а снег не падает, прилип. Пришлось перочинным ножиком поскоблить. Принес зерна, насыпал в кормушку, глянул на ледяной бугорок, а там, на снегу, с распластанными крыльями лежат два воробья. У меня сердце так и стукнуло: «Наверно погибли?» И только шагнул к ним, как один вспорхнул и тут же с вытянутыми крылышками припал на снег. «Вот оно что? — осенила догадка. — Лапки в мягком снегу проваливаются. Поэтому и опирается на крылья, чтобы не утонуть в снегу. До чего же смекалист! И помнит, садится точно над ледяным бугорком, где раньше питался вкусными зернышками».

Пока я стоял и обдумывал увиденное, появились еще воробьи, тоже, словно подранки, плюхнулись на снег. У одного из них я сразу заметил на крыльях белую полоску, которая была ярче и шире, чем у других. Я не сдержался и на весь двор закричал:

— Жив! Белоплечик жив!

И побежал за лопатой. Марс обеспокоенно загремел цепью. Я ему:

— Без тебя обойдется. В этом деле ты мне не помощник. Сиди тихо и не пугай наших пернатых друзей.

Освободил от снега бугорок, слегка подолбил лед, чтобы в ямочках задерживалась крупа. Принес кусочков хлеба, янтарного пшена, насыпал и ушел на крылечко. Было давно уже за полдень, а мне и есть не хотелось, интересно понаблюдать, как будут кормиться проголодавшиеся птицы.

Воробьев долго не пришлось ждать. Они, конечно, видели, как я крошил хлеб и сыпал пшено. Догадливые воробьи слетелись со всех сторон на ледяной бугорок и стали дружно клевать зерно.

Потом прилетели две карповны и уселись на ясень. Я забеспокоился: «Помешают воробышкам кушать». Вдруг из-за стайки вылетела ворона, да как спикирует на воробышков. Тут же взлетает — слышу тревожный писк. Воробьи не бросились наутек, напротив, сразу атаковали Карповну, клюют и вижу: перья полетели. Из лап Карповны выпал комочек и шлепнулся в снег. Писка не стало. Воробьи полетели в разные стороны. «Ни Белоплечик ли?» — мелькнуло в голове. Я побежал к упавшему воробышку. А он очухался и в двух шагах передо мной взлетел.

Иду к дому, а у самого перед глазами так и стоит картина боя. Драчуны воробьи, а как дружно заступились за своего собрата. Да так сразу, словно по команде, вступились все за одного. И вспомнилась пословица «Семеро — не один, в обиду не дадим».

После меня первым из школы пришел Миша. Я не удержался и поспешил рассказать о птичьем сражении. А когда я сказал: «...словно по команде вступились все за одного..» Миша с гордостью заметил:

— Так это же командовал мой лейтенант. Не зря же ему присвоено офицерское звание.

— Все может быть, — согласился я, — Известно, что у стайных птиц всегда есть свои вожаки. Для этой роли Белоплечик вполне подходит.

9. ПЕРНАТЫЕ АРТИСТЫ

Февральские морозы еще продолжали рисовать на окнах сказочные папоротники, а воробьи уже по-весеннему заватажились. В солнечные дни, после полудня, веселая гурьба воробьев усеивает наше, хорошо освещенное, черемуховое дерево и устраивает хоровое чириканье. «В январе сидели нахохленные, а сейчас оживились, — подумал я. — Теперь поджидай весеннюю капель».

В одно прекрасное раннее утро Нина Евгеньевна вернулась с улицы и ласково заговорила:

— Юннаты, хватит спать. Ваш Белоплечик песни поет, а вы все храпака задаете.

— Подъем! — крикнула Зоя. — Кто со мной на концерт Белоплечика

— Я с тобой, а Миша чего лежит.

— Не выспался, — буркнул любитель сна и повернулся на другой бок

Мы с Зоей выходим на улицу. На крыльце остановились. Чириканье послышалось с крыши. На цыпочках прошли в летнюю кухню и стали слушать через открытую дверь.

— Папа, смотри где он, — показывая пальцем на крышу, шепчет Зоя. — Видишь?

— Вижу, вижу, в сторонку стань, спрячься.

А воробей своей чиви-чирикающей неумной песней так увлекся, что как мне показалось, нас и не замечает.

— Белоплечик это или другой воробей? Как ты думаешь? — обратился к Зое.

— Наверно, наш.

— Смотри, как частушки поет, поет и приплясывает. И погон не увидишь.

— Конечно, если бы днем посмотреть или чуть-чуть посидел бы спокойно, а то ишь разошелся.

— Глянь к Ивановым на крышу.

— Ой! И там воробей поет!

Из-за леса брызнули лучи солнца, осветили крыши домов. Воробьи запели веселей. Поют, то по очереди, то враз.

— Почему они так распелись? Я никогда не думала, что воробьи могут петь.

— Это самцы заняли сторожевые посты у своих будущих «семейных очагов» и поют, привлекая самочек.

— Как у «семейных очагов»?

— У нас семейный очаг — это дом, квартира, а у птиц — гнездо. Ясно.

— Теперь ясно, — сказала Зоя.

— Тогда пошли.

Любимое мое занятие — колка дров. Делал я это обычно до обеда. Однажды мартовским морозным утром работа у меня шла полным ходом. Стоило колунчику дотронуться до чурки, как от нее со звоном отлетало полешко. Колю и колю. Усталости, вроде, и не чувствую, а все ж к полудню рубаха стала прилипать к спине. Передохнул раз, другой, дрова колоть все труднее и труднее. Дровесина размякла, тягучая стала. Конечно, оно так и должно быть. Ведь солнышко припекло, хоть куртку снимай. Расколешь чурку, а хвойный запах и обдаст тебя. Вдохнешь раз, другой и будто у тебя сил прибавилось. Ведь не зря живицу хвойных деревьев считают лекарственной.

Увлечся работой и слышу: льется звонкая песня. Не глядя определяю: воробей поет. «Кто же это нас радует? А ну посмотрим». Солиста долго не пришлось искать. Он сидел на коньке крыши и увлеченно пел. Слышу сосед кричит:

— Харитоныч, смотри, как усердствует, — и добавил: — Рано птишечка запела, как бы кошечка не съела.

— Всю зиму, должно быть, сочинял. Уж больно хорошо поет, — говорю ему.

А воробей перья распушил, крыльями хлопает по бокам, головой вертит и пританцовывает. Чирикает разноголосо, с переливами. Талант да и только.

— Уж ни наш ли Белоплечик так старается?

— Какой еще Белоплечик? — спросил сосед.

— Это мы так назвали одного воробья.

— Чудак, ты как дитя малое, — усмехнулся сосед.

— Все мы — дети общей матери-природы.

— Оно так.

Я сходил за биноклем, зашел в беседку и стал наводить окуляры на резкость. Гляжу, Мурка стоит на задних лапах и когти точит о ствол черемухи. Потом не спеша полезла на нее.

Впервые вижу Мурку за охотой. Кошка устремила свой взгляд на воробья, прижалась к ветке и замерла. Потом, не спуская с него взгляда, стала передвигаться. Ползет по ветке, как огромная мохнатая гусеница. Передвинулась на полметра и опять замерла. А когда воробей скрылся с ее поля зрения, Мурка прыгнула на крышу. Подбежала к карнизу и стала осторожно высовывать из-за него свою мордашку. Воробей замолчал. Прошла секунда, а может и две. Воробей махнул крыльшками и был таков. Я хищнице и говорю: «Мурка, старого воробья не проведешь. Слезай-ка».

Огорченная Мурка стала спускаться по лестнице. Я ей: «На крышу так по веточкам, а с крыши — по лестнице. Отвлекла только меня. И воробья не поймала и мне помешала разглядеть его».

10. ОЛЯПКА

Первый день весенних каникул совпал с воскресеньем. У Нины Евгеньевны принято по выходным дням печь пирожки. Пирожки с капустой, с картофелем, с повидлом, а зимой — мясные с ливером. Пирожки очень любила наша семья, да и гости хвалили мастерицу. Вот и на этот раз она подготовила тесто, необходимые начинки и говорит:

— Кто пирожки любит?

— Я, — я, — я, — послышалось с разных комнат.

— Тогда кыш с насиженных мест, руки мыть и ко мне.

Я уселся поудобнее и говорю:

— Я буду тесто раскатывать.

— Не возражаю, — говорит Нина Евгеньевна.

— Я лепить, — сказала Зоя.

— А я кушать, — потирая руки, говорит Миша. — Люблю с грушевым повидлом и только. Ам, ам — и нету.

— Мои с капустой, — говорю я.

— А нам с мамой только с картошкой? Ишь какие!

— Не спорьте, всем хватит, теста много. Вы лучше аккуратнее делайте, — и показала как надо.

— Вы знаете, я вчера слышал от бабы Нюры, нашей соседки, что сегодня старинный праздник, — сказал Миша.

— Пирожки на столе — значит праздник, — сказала Зоя.

— Пирожки пирожками, а праздник праздником.

— Каникулы, — пыталась угадать Зоя.

— Каникулы — это для школьников праздник. А то для всего народа. Понимаешь. На-ро-да, — подчеркнул Миша.

Нина Евгеньевна согласно кивает головой, говорит:

— А название праздника от слова «масло».

— Масловский! — вскрикнула Зоя.

Мы все захохотали. А Миша пальцем правой руки тычет на Зою, левой держится за живот, хохочет и ногами притоптывает. Потом через силу произносит:

— Вспомнила свою фамилию. Мас-ле-ни-ца, вот какой праздник.

— Я таких праздников не знаю, — кривит губы Зоя.

— В этом-то и беда наша, что о народных праздниках забыли. Мы с мамой хоть по рассказам родителей знаем, — заметил я и предложил: — Я вам об этом празднике расскажу.

Еще у наших пра-пра-прадедов и пра-пра-прабабушек уже был праздник «масленица». Масленица — праздник проводов зимы. У древних славян год распадался на две половины — зимнюю и летнюю — и начинался с первого весеннего месяца марта. Именно с этой поры природа пробуждается от зимнего сна. Народ этот праздник связал с жизнью солнца. Отсюда традиция печь на масленицу блины: горячие, круглые, золотистые, они представляют собой как бы маленькие изображения солнца.

— Давайте и мы испечем блинов, — оживилась Зоя.

— Блины в другой раз, на сегодня и пирожков хватит, — возразила Нина Евгеньевна.

— Опоздали, — говорю я. — К масленице люди заранее готовились. Народ устраивал зимние забавы: катались на тройках, играли в снежки.

— Покажи им картину В. Сурикова «Взятие снежного городка», — предложила Нина Евгеньевна. — На ней видно, как люди отмечали этот праздник.

— А перед праздником, — продолжил я, — хозяйки выпекали из теста самое разнообразное обрядовое печенье. Больше выпекали хорошо знакомых весенних птичек — куличков, скворцов, жаворонков, а еще? Как вы думаете?

— Лейтенантиков! — выпалил Миша.

— Может Белоплечиков? — сказала Зоя.

— Так, да ни так. Угадали и не угадали.

— Он и сам не знает, — подшучивает Нина Евгеньевна.

— Ладно, сдаюсь. В старину славяне выпекали чувиликов. Так наши древние предки называли домашних воробьев.

— Мама, дай теста, я вылеплю чувилка, — просит Зоя.

— Бери, пожалуйста, ты же у нас художница.

— Лепи, а я его съем, — пошутил Миша.

После завтрака натянул болотные сапоги, в карман положил карандаш с блокнотом, на шею фотоаппарат и бинокль.

— Ты куда? — спросил Миша.

— На охоту.

— Охота уже запрещена.

— Я фотоаппаратом буду «картинки стрелять», «трофеи» — в альбом

На этот раз решил ознакомиться с весенней Кией. Кия — горная река, она впадает в Уссури. На левом берегу Кии и стоит наше село Полетное.

Летом я не раз видел, как через Кию по перекату проезжали грузовые машины и трактора, переходили грибники и ягоdniки, пастухи на пастбища перегоняли скот.

Сейчас же Кия закована ледяным панцирем, прикрыта полуметровой толщей снега. И определить трудно, где на реке перекаты, а где пле-

сы. Пошел по берегу и в русле реки увидел посиневший снег. Спустился на лед и в снежном месиве зачавкали мои сапоги. «Вот и примета под ногами, — отмечаю про себя, — вода пробивается на поверхность льда, — жди большого потепления». По реке дальше идти было опасно, и я вернулся. Вдоль реки отшагал километра два. В пути встретил наших постоянно зимующих птиц — сороку-белобоку и бурую оляпку, которая

сидела на кромке льда одной промоины. Интересная эта птичка — оляпка. На зиму не улетает от нас, себе пищу достает только из воды. А вода-то зимой, сами знаете, от наших дальневосточных морозов прячется под метровую, а то и более этого, толщу льда. Поэтому у оляпки есть постоянная забота искать участки, не покрытых льдом. А такие участки чаще всего можно встретить на горных реках там, где быстрое течение, где перекаты и роднички. Оляпка сама вроде бы и не велика, размером со скворца и окраской похожа на него, но до чего ж смелая, рискованная! Мне не раз приходилось видеть, как она нырнет под лед, а потом через минуту вынырнет: если с рыбкой, то тут же заглотит, если с ручейником (маленький моллюск такой, внешне похож на шуруп), подолбит его на льду и проглотит.

Меня всегда удивляет, как такая птичка, не приспособленная для плавания — с лапками без перепонки — нырнет в воду, за короткое время успеет найти что-то съедобное, одолеет сопротивление быстрого течения и, не задохнувшись, вынырнет на лед, как ни в чем не бывало, сухая и бодрая. Я тут же вспоминаю пингвинов, которые ведут почти такой же образ жизни, как и наша оляпка. Мало кто знает, что оляпка в воде не плавает, а бежит по дну... Вот бы взглянуть на нее в этот момент!

Вернулся в село. Слышу воробьиный шум. Присмотрелся: воробьи облепили старую грушу и кричат, да так громко и возбужденно, что хоть уши затыкай. Я подошел поближе к ним и громко приказным тоном сказал: «Чувилки! Вы что на базаре? Молчать! Воробьи враз выполнили мою команду, смолкли и замерли. «Вот так-то лучше будет, — говорю им — моя голова толком еще не отдохнула от школьного шума, а тут вы...». Воробьи молчат и висят на ветках, как груши. Я остановился и люблюсь ими. Слышу со двора голос Владимира Николаевича, нашего учителя математики:

— Федору Харитоновичу большой поклон.

— Здравствуй, мил человек! Глянь на свою грушу. Наверное, забыл урожай собрать?

— Ох и надоели мне эти воробьи. Лучше б их не было.

— Это чего же так?

— Осенью все подсолнухи обшелушили, а сейчас отдохнуть не дают. Орут, хоть из пушки по ним стреляй.

— По воробьям из пушек не стреляют. Ты с этого дерева сколько мешков собрал груш, не мерял?

— Да сколько? Мешка три-четыре. Пристарела, мало стала давать.

— Вот видишь, дичка, да еще старая, а груш дает много. И это благодаря этим же воробышкам. В огороде навредили, а в саду помогли... уничтожить вредителей. Так что не обижайся на них. Скоро сядут по гнездам, будет тихо.

— Скорей бы, — сказал Владимир Николаевич.

Я пришел домой, а Миша мне сразу в упор:

— Что подстрелил, показывай?

— Так... Пусто. Всего лишь один раз в бинокль посмотрел на оляпку.

11. СКВОРЦЫ ПРИЛЕТАЮТ...

— Ты, знаешь, — нетерпеливо рассказывает Миша, — совсем недавно, мастерю себе электро-гитару. Смотрю: на заборе сидят воробьи. Офицерики среди них нет. Я пилю и посматриваю на них. Вдруг один как плюхнется в снежный сугроб. Пойдем покажу, где это было. Упал,

затрепыхал крылышками, да так сильно. Я подумал: — Конец воробью. Потом смотрю, а он улегся на бочок, вытянул ножку, прикрыл ее крылышком и крутит головой. Нет, думаю, тут что-то не так. Буду сидеть

тихо. Я чуть было не побежал к нему. Сдержался: «Что же будет с ним дальше». А воробей опрокинулся на другой бочок и повторил прежнюю позу. После чего улегся на брюшко и замахал крыльями, да так быстро, что все тело затряслось и полетели от него в разные стороны сверкающие снежинки. Потом фыр — и полетел. За ним и все улетели. Он сначала меня напугал, а потом обрадовал. Может он в снегу купался? Блохи что ли его заели?

— Может от чердачной пыли освобождался, — размышляю вслух. — Все может быть. Зима-то вон какая долгая, и того и другого могут набраться... Ну, как с гитарой дело идет?

— Посмотри.

— Скоро прилетят скворцы, надо домиков сделать.

— Давай чертеж, будут и домики, досок хватит.

В ближайшие дни для скворцов Миша изготовил три домика, а дырочек не сделал. Я ему и говорю:

— А дырочки где?

— В чертеже ты не указал на какой высоте их сделать, поэтому и нет.

— Давай намечу. Надо чтобы дырочки были поближе к потолку. Тогда гнездо будет поглубже. А то кошка, как наша Мурка, доберется и лапой вытащит птенцов. Дырочки делай разных размеров: большие — для большого серого скворца, маленькие — для малого дальневосточного скворца. Малый скворец мельче серого, но красивее, особенно самец. Он весь светло-серый, спина, хвост, крылья и пятно на затылке черные с металлическим фиолетовым блеском, а на плечах широкая белая полоса.

— Как у офицера?

— Похоже.

— А если домики займут воробьи?

— Ничего страшного. Если займут, то лишь на некоторое время. Как только прилетят скворцы, они их сразу выселят. Скворцы сильнее.

— Сила есть — ума не надо, — сострил Миша.

— Почему же. Скворцы ничуть не глупее воробьев. Ты только понаблюдай за ними. Скворцы-то у нас будут жить, в этом я не сомневаюсь. А вот где будет жить наш Белоплечик? Это вопрос. Чердак закупорен так, что оса не подлезет, где уж там воробью. Ты вспомни, где у нашего деда постоянно жили воробьи?

— За наличником.

— Точно. А у нашего дома наличников нет.

— Давай сделаем. И окна украсим, и воробьям где будет жить. Доски есть.

— Я тоже такого мнения. Меня удивляет: смотришь на иной добротный кирпичный дом, а вида у него нет. А почему?

— Резных наличников нет.

— Правильно. Пристрой ему наличники с узорами и будет любо посмотреть. Но не в этом еще главное.

— В чем же?

— А в том, что когда строят дом, то думают только о людях. Хорошо еще, что не забудут сделать сарайку для поросят и кур. А где жить воробьям? Ты своим голубям сделал домик и кормишь их каждый день. А воробьям кто специально корм даст. Разве какой-нибудь любитель птиц, как ты. А остальные... сам знаешь. И обзывают его: то «вор-воробей», то просто воришка. Некоторые мальчишки даже из рогаток по ним стреляют. Как не вступить за них. А польза от них большая. Знали бы люди о том, что мохнатых гусениц поедают только воробьи да кукушки. А много ли у нас кукушек? Какие есть и те в лесу обитают, а воробьи рядом с нами. И сколько за лето они уничтожат таких гусениц. Никто не считал и никогда не подсчитает.

Люди птичек — канареек, попугайчиков в клетках держат, да еще покупают их за большие деньги. Ты за сколько рублей купил себе двух голубей?

— За десять.

— Вот видишь. А воробья покупать не надо. Он всегда с нами.

Каких только воробьев на свете нет: монгольский земляной, каменный, коротколапый, черногрудый, саксаульный, пустынный, рыжий полевой и наш домовый воробей. У нас в стране самые распространенные воробьи — это полевые и домовые.

Как-то я отдыхал в санатории под Владивостоком. В комнату ко мне подселили товарища из Камчатки. Гляжу, стоит у окна и на что-то смотрит, смотрит. «Что затосковал по Камчатке?» — спрашиваю. — «Да нет, птичками люблюсь». — «Какими, а ну посмотрим... Да это же воробьи!» — «Воробьи?! У нас на Камчатке их нет». Нам воробьи вроде бы надоели, а иному человеку в диковинку.

Был бы я архитектором, так обязательно в индивидуальных домах проектировал резные наличники. Наличники приделывать надо с наклоном, так они приятнее смотрятся и за ними всегда найдется место для наших друзей. Ты только обрати внимание на кирпичные, многоэтажные дома. Где, думаешь, воробьи строят себе гнезда?

— Не знаю.

— На балконах. Если на балконе кто-нибудь сделает деревянный настил на полу, а под ним будет такая щель, что можно воробью пролезть. Либо в стенных дырочках, через которые зимой с улицы поступает воздух в подоконный шкафчик-холодильничек. Люди думают: «Почему зимой холодильничек продукты плохо остужает?» И недоумевают, что дырочку с улицы заслонил своим гнездом воробей. А где же ему еще устроить гнездо, как ни в дырочке, да под плохо устроенным железным оконным сливом. Сейчас стали делать бетонные дома, так там под оконный дырочек совсем нет.

— Давай хоть один наличник сделаем.

— Я за, — согласился Миша.

Я замерял длину и ширину окна. Отпилил дощечки. Затесал углы. В кирпичной стене Миша выдолбил ямки, забил в них деревянные пробки, чтобы хорошо держались гвозди. Прикрепил верхнюю дощечку и говорит:

— Такой щели воробью хватит?

— Засунь руку, если поместится, то достаточно, если нет — оттяни немного.

— Может сюда положим травки?

— Не надо. Воробьи сами любят строить гнезда, как скворцы. Кто скворцами занимается, тот знает, что скворечники ежегодно надо очищать от старого мусора. Скворцы занимают в первую очередь очищенные домики. Каждая птичка строит себе гнездо по своему вкусу.

Мы убрали инструменты. Отошли в сторонку и любимся своим мастерством. Миша и говорит:

- Надо б узорчиков... Лучше б смотрелся.
- Ничего, и так сойдет. Воробью не до жиру, быть бы живу. Ты завтра не забудь нарвать травки и разбросать по двору.
- Зачем завтра, я сейчас, — и побежал в сад.
- Я зашел в дом, Нина Евгеньевна спрашивает:
- Вы что там стучали?
- К окну наличник пристраивали. Красиво и воробьям будет где жить.
- Выдумывают всякую чепуху, лучше бы ящички для рассады сделали, — воговорила мне Нина Евгеньевна.
- Согласен. И то, и другое вовремя надо делать.
- Ящички Миша сделает завтра, — слышался голос Зои.

12. ПЕСНЯ ЛЮБВИ

...В апреле я почти каждый день слышал воробьиные песни любви. Песни эти и радовали, и огорчали меня. Я уже больше месяца не встречал Белоплечика. И мне очень хотелось, чтобы он свил свое гнездо за нашим наличником. Я часто спрашивал ребят:

- Кто-нибудь поселился за наличником?
- Пустует, — отвечали дети.
- Завтра курочек начну кормить во дворе, — сказала Зоя. (Это входило в ее обязанности).
- Не рано ли? — обратила Нина Евгеньевна.
- Рано не рано, а кормить буду во дворе. Глядишь и воробышки с курами полакомятся.
- Вот оно что, — смекнула Нина Евгеньевна, — а я-то думаю, почему дочка так рано вздумала кормить кур во дворе. А она из-за воробышков. Они, наверное, вам и ночью снятся.

Мы с Зоей переглянулись.

Наступила пора гнездования. Я чаще стал просматривать литературу о птицах. Однажды читаю рассказ «Скворцы» А. И. Куприна, в котором он пишет: «Лучше всего наблюдать скворцов рано утром, до восхода солнца, а для этого надо вставать пораньше...». И приводит старинную поговорку: «Кто рано встал, тот не потерял...». В этот же вечер я завел будильник, положил под подушку. Но проснулся далеко до назначенного времени. Неслышно собрался, взял бинокль и, стараясь не шуметь, вышел на улицу. Забрякала цепь — Марс вылез из конуры, потягивается. Подхожу к нему и шепчу: «Марсик, тихо». Он попытался лизнуть меня в лицо, нюхает бинокль, дает лапу. Я взял его лапу, трясу и говорю: «Друг мой, пойми, я сегодня никуда не иду. Буду сидеть в беседке, а ты не гавкай и веди себя спокойно. Ясно?» Сам глажу его по широкому лбу и приказываю: «Сидеть! Дома я, дома». Я прошел в беседку. Сел так, чтобы хорошо было видно одновременно и скворечники, и окно с наличником. Марс успокоился, улегся возле будки.

Солнце еще не поднялось, но восток уже посветлел и неплохо просматривались все предметы вокруг меня. Было тихо. Вскоре издали послышался запоздалый петуший голос. Вдруг прорвал тишину резкий лай соседской собаки. Марс запрыгнул на завалинку и, не видя нарушителя утренней тишины, гавкнул в ответ. Гавкнул так неуверенно, что, тут же устыдился своему беспричинному «гав», спрыгнул с завалинки и, гремя цепью, полез в конуру.

Утро выдалось тихое, свежее, бодрящее, я не заметил, как отсидел около часа. Вдруг брызнул в глаза первый луч восходящего солнца. Приятно всегда наблюдать рождение утра. Лучи солнца осветили крыши домов и зашептались в синевато-серых клубах дыма, выходящего из печных труб.

Село стало оживать. Послышалось хлопанье дверей и фыркание заводящих тракторных моторов. И я собрался покинуть свой пост, как вдруг с крыши нашего дома послышался чирикающий писк. У меня дрогнуло сердце, и я вышел из беседки. Схватился за бинокль, уж не Белоплечик ли там. И увидел, как на фоне розового неба взлетели, нещадно клюя друг друга, драчуны. Пищат, царапают и падают на крышу. Вскочили. Головы втянуты в плечи. Клювы скрестили, как шпаги, и с резко-трескучим, как у сороки, криком схватились снова. Дерутся ну как петухи. Перья летят во все стороны. Миг, и словно ястребы, расправив крылья, вспорхнули. Один стал удирать, а другой с распушенным хвостом стал догонять и ухитрился выдернуть из хвоста соперника перо.

Зашел в дом, Нина Евгеньевна спрашивает:

— Где был?

— На улице.

— За воробьями наблюдал?

— Угадала.

— Уже и сна лишился. Бегает за воробьями, как мальчишка.

Следующие две утренние зорьки я скучал. В одно утро пошел снежок, а в другое — хмарило. Воробьи не появлялись.

О своих неудачах я рассказал Зое и Мише. Зоя сказала:

— Так они, может быть, уже живут в скворечниках? Поэтому и не видать.

— Не надо было рано вывешивать домики, — сказал Миша.

— От этих маленьких нахалов все можно ожидать. Не хотят строить себе гнездо, вот и занимают пустые, то скворечники, то ласточкины гнезда. А потом получают от хозяев гнезд синяки и шишки.

В тот же день, после обеда, слышу Миша кричит:

— Скворцы! Смотрите — скворцы!

Я сразу к окну, а он машет рукой и торопит выйти на улицу.

— Скворцы прилетели. Посмотри.

Я взял бинокль и вышел на улицу.

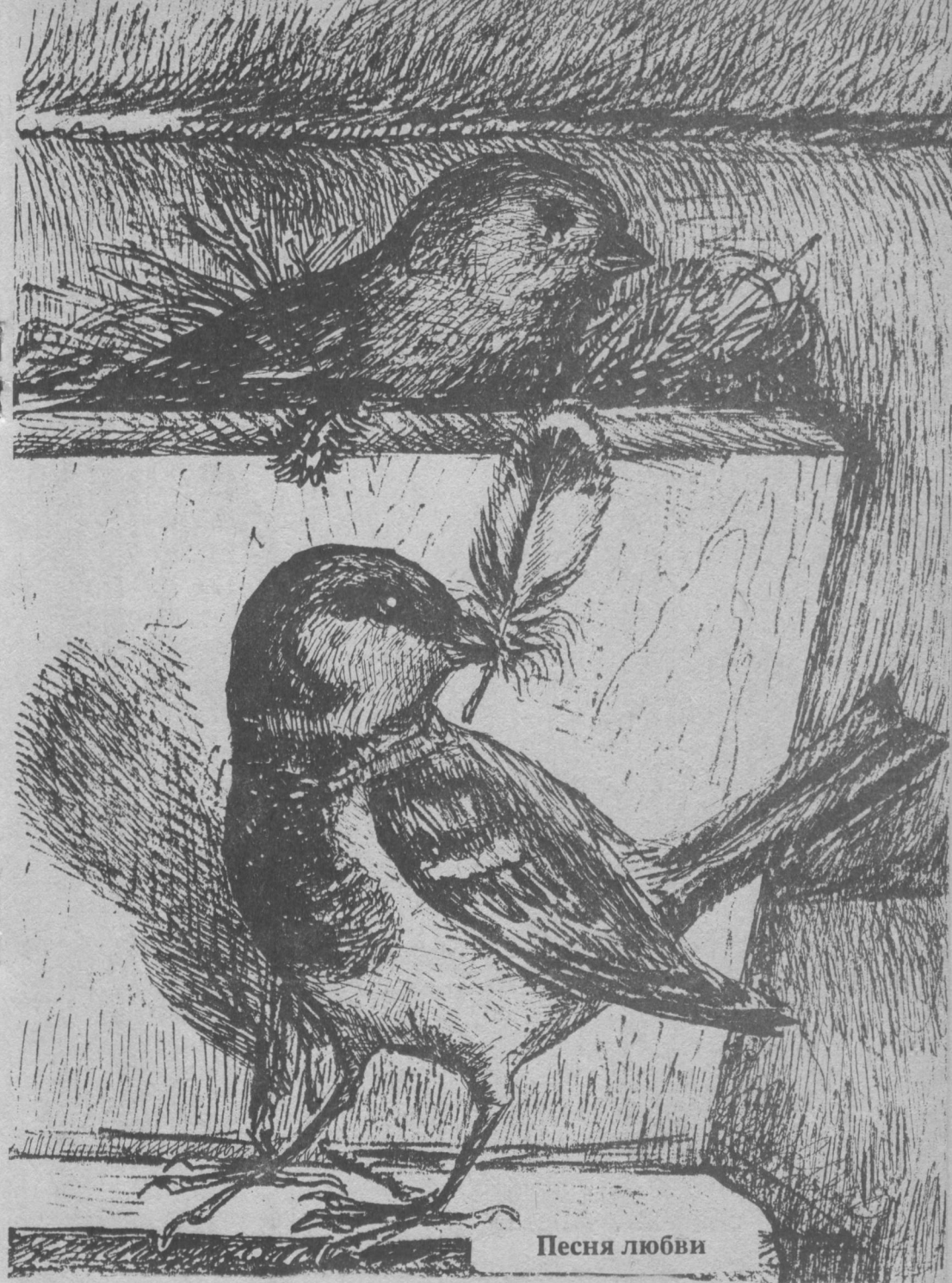
Да, это были дальневосточные большие скворцы. Сидят спокойно, вероятно устали, и, как мне показалось, домики не привлекают их внимания.

Пернатый «

Мурка-синоптик

Песня любви

Как прогнали Карповну

— Пап, а в скворечнике воробышек.
— Вот разбойник.
— Посмотри, высунет голову и вертит ею.
— Ну и наглец же! Занял чужой домик и помалкивает. А мы тут глаза проглядели. Погоди, скворцы тебе зададут жару, будешь самовольничать.

На следующее утро я снова занял сторожевой пост. Взглянул на домик, на нем сидит скворец. Другой на веточке, рядом. Навел бинокль и думаю: «Сегодня-то уже точно увижу, как из своих домиков скворцы выгоняют наглецов». И что же. Вижу: воробей выскочил из домика и метнулся в мою сторону. Я с трудом проследил его путь. Он сел на покачую крышу летней кухни. Я рядом, в трех метрах от него, но воробью не до меня. Взяерошился. Скок-поскок и давай орать: «Чир-чирр, чир-чирр!» Вспорхнул и ринулся к скворечнику, но тут же вернулся и опустился на прежнее место. Скачет то в одну сторону, то в другую. Озорные черные глазенки блестят. Видно, что хочет подраться, да силенок маловато. Вторично взлетел и подался в садик.

Перед завтраком я рассказал о своих наблюдениях. Зоя сразу спросила:

- Не заметил, то был Белоплечик?
- Не разглядел.
- Ты же с биноклем был?
- Если б вы видели. Забияка до того разошелся...

«За эти дни новоселы к нам за наличник так и не пожаловали», — сделал я очередную запись в дневнике.

Выходной. С утра долго бродил в окрестностях села. Вернулся домой, подошел к сенцам и медленно высовываю голову из-за угла. Миша увидел (он продолжал делать гитару) и говорит:

— Напрасно крадешься. Никого нет. Ты как только ушел, и они тут как тут.

- Кто тут как тут? Говоришь как-то непонятно.
- Кто? Воробьи. По-моему и офицерик там был. Танцами занимался
- Надо же! Лучше б никуда не ходил. Уже второе воскресенье тебе везет, а мне нет.

— А ты сиди вот здесь, за верстаком, делай что-нибудь и тебе повезет.

— Ладно. В другой раз повезет, сейчас рассказывай, что там за танцы были. Только подробно.

— Шкуркой чищу гитару. Слышу, голуби воркуют. Я взглянул на крышу, там мои красавцы. Павлин хвост распушил веером. Ходит вокруг Гули, воркует. А над ними, на антенне телевизора, воробьи.

— Много?

— Ни много и ни мало. Всего лишь два. Я хотел за биноклем бежать, да вспомнил, что ты его забрал. Тогда я положил гитару и, не спуская глаз, стал смотреть на них. Мне очень хотелось узнать лейтенантик там

или другой воробей? Далеко, плохо видно было. Павлин разошелся, как горячий самовар: буль, да буль, остановиться не может, хоть кричи на него, а воробьи головенки опустили и смотрят на них.

Вдруг Павлин замолчал, воробей начал выступать. Ты не представляешь, как интересно было. Крылья развесил, голову высунул вперед, хвостик поднял, как парус, и давай скакать, и давай чирикать. А сам то к самочке, то от нее скачет. Да так все быстро, быстро, как заводная игрушка. Потом замолчал. Воробей замолчал, голубь начал. Побулькал, побулькал и умолк. Голубь замолчал — воробей начал. Да так чудно. Крылья немного поднимет, помашет, помашет, потом опустит, клюв к небу тянет и шею гнет, как змея. А как чирикал! Ты бы только послушал. На разные голоса да с переливчиками, поет и в присядку пританцовывает.

— Соревнование, говоришь, птицы устроили. Интересно.

— Плохо, что не было бинокля, так и не узнал — наш был воробей или нет.

13. ВОРОБЬИНАЯ ПЕРИНА.

Мы с нетерпением ждали того дня, когда у нас, за наличником поселятся воробьи. И всем очень хотелось, чтобы гнездо построил Белоплечик.

Как-то я с Зоей и Мишей иду на обед. Нина Евгеньевна нас встречает у калитки и говорит:

— Как успехи? Следует ли вас кормить?

— По истории пять! — отрапортовала Зоя.

— Без троек, — сказал Миша.

— У тебя, папа?

— Как у тебя, так и у меня.

— У меня отлично.

— Что-нибудь вкусненькое на второе?

— Нет.

Миша тем временем подошел к Марсу.

— Марсик, лапу. Правую, правую.

— Тише. Ко мне все идите. Я недавно видела как воробей за наличник травинку унес.

— Ой! — вскрикнула Зоя.

— Спокойно. Пошли обедать, — говорю я. — Пусть фундамент закладывает.

— Кто там? Вот бы Белоплечик, — сказала Зоя.

— Не разглядывала. Боялась встревожить.

Мы отправились на обед. Я заметил: лица у всех светились радостью. Мне показалось, что все думают о Белоплечике.

После обеда мы с Мишей вышли на улицу. Прошли к верстаку. Присели так, чтобы обозревался дворик и нами устроенный наличник.

Заговорили о скворцах, потом о гитаре, которую заканчивал делать Миша.

— Приготовь бинокль, — говорю ему.

Миша стал наводить бинокль на резкость и у нас разом вырвалось: «Смотри!»

— Прилетел от Королевых, — сказал Миша.

— Что в клюве видел?

— Прутик.

— Не сено, а прутик. Крепкий фундамент закладывает. Наверное, собирается здесь долго жить.

— Гнездо делает, как сорока, из прутиков.

— Погоны разглядел?

— По-моему лейтенантик. Непоседа какой-то. Суетится туда-сюда. Полоски плохо видно.

— Может замазались, а может поизносились кончики перьев. Времени-то сколько прошло, посчитай-ка. Может это самочка?

Воробей уложил прутик. Вскочил на кромку наличника.

— Присмотрись. У самца сейчас ярко-черное пятно на грудке и черно-блестящий клювик.

— Да-да. Так оно и есть.

Воробей фыркнул и снова подался в соседний двор. Вскоре вернулся с травинкой. Сидит на краю наличника и вертит головой по сторонам.

— Как таракан усами шевелит.

Миша хихикнул:

— Это же самочка.

— Еще лучше. Значит с подругой строит семейный очаг. Как тут не порадоваться за них. Мужчина носит, что потяжелее, а женщина, что полегче.

— Что-то долго нет самца, — забеспокоился Миша. — Уж не за бревном ли подался? Хоть на подмогу иди.

— Твою травку почему-то бракуют. Ты понаблюдай, а я, пока светло, пойду за зерном и покормлю кур. Пусть на сон грядущий и новоселы покушают.

— Скажи Зое, что мы покормим кур.

— Обязательно.

С руки сыплю пшеничку и кричу: «Цыпа-цыпа-цыпа!»

Прибежали куры. Клюют пшеничку у моих ног. Вдруг слышу:

— Уходи. Воробьи прилетели.

Остатки зерна я сыпанул подальше от кур и поспешил к наблюдательному пункту.

— Теперь не упусти момента. Когда воробей будет приземляться, то выпустит «шасси», как это делает самолет. Если «шасси» будут красные, значит Белоплечик.

Воробьи особого приглашения не ждали. Стоило мне отойти, они опустились на землю.

— Ну как, увидел?

— Нет. Куры помешали. Вон та черная... Стоит, как вкопанная. Хоть бы шаг в сторону сделала.

— Что такое не везет...

— И как с ним бороться, — шепчет Миша. — Что, если я пойду к Марсу и от него посмотрю.

— Не надо этого делать. Пусть привыкают с курами кушать, разглядеть воробья мы всегда успеем.

Набив зобы, куры стали расходиться. Вдруг белая курица на лапках приподнялась, да как махнет крыльями. От нее и полетело перышко. Воробей хватя его и полетел. Я как крикну: «Смотри! В лапке держит!».

— Ураа! Наш Белоплечик! — Миша соскочил с места, поднял бинокль и давай прыгать. — Возьми бинокль. Он мне не нужен.

— Говоришь, видел.

— Клянусь! — Миша ногтем большого пальца зацепил верхний зуб и резко дернул руку.

— Будешь часто давать такие клятвы — без зубов останешься.

— Не останусь, — подпрыгнул и побежал.

— Ты куда?

— Нашим скажу.

На другой день, под впечатлением вчерашних наблюдений за воробьями, я возвращался домой в хорошем настроении. Но стоило переступить порог, как Миша мне:

— Ты знаешь, что ваш Белоплечик...

— А твой офицерик.

— Хитрец, да еще наглец.

— Не знаю. За что же ты его так оскорбляешь?

— Ты только послушай, что он выкинул.

— Слушаю, говори.

— Сегодня я поторопился в школу, дежурный был, и забыл выпустить голубей. Пришел из школы. Открыл голубятню. Павлин с Гулей сразу поднялись и давай кружить. Сегодня они долго летали.

— Засиделись.

— Потом опустились на крышу. На антенне в это время сидел воробей. Голуби только присели, а воробей, как ястреб набросился на Гулю и драпать от нее. И в клюве перо. Шмыг за наличник.

— Надо же. Чувствует, что плохо поступил. А помнишь, как он вче-

ра перо подхватил. Гнездо утепляют, а перьев нет. Пуховички им нужны.

— Гуля долго поправляла перья на спине. Наверно, ей больно стало.

— Как вижу, ничего страшного и не случилось... Ты говоришь, что Белоплечик хитрец и нахал. А ты не подумал о том, какой он храбрый и смелый. Не зря народ шутит: «Не робей, воробей, дерись с вороной». Вспомни, как зимой воробьи поддали Карповне. А еще он находчивый. Сейчас на улице где найдешь пуховичков. Куры-то всю зиму в сарайках были. Он и сообразил, как добыть пуховичок.

— Я сейчас пойду в сарайку и принесу им пуховичков.

— Это другое дело.

— Куда их положить?

— Брось на землю. Подберут, когда им надо будет.

Миша набрал полную горсть пуховичков, подошел ко мне и говорит:

— Хватит?

— Думаю, что хватит. А что если эксперимент проведем?

— Давай. Говори, что делать.

— Попроси у мамы цветных лоскутков, повесим на изгородь и узнаем, тряпочки будет брать или нет?

— Если ниток цветных повесить. Их у мамы целая сумка. Во! Как гнездо укрепит, — и показал большой палец.

— Вот ниток-то и нельзя. Воробьи и другие мелкие птички, в строительстве гнезд, часто используют конский волос. В нем иногда запутываются лапками, головкой, крылышками и погибают.

Миша пошел к маме и стал просить лоскутки.

— Уж ни куклам ли собрались платья шить?

— Да нет. Экспериментик надо провести.

— Папа опять что-то выдумал. Некогда мне. Видишь какая стопка тетрадей. Кто за меня проверит. Тряпочки не валяются. Их еще надо искать. Закончу тетради проверять, тогда поищу.

С вечера Миша выложил на штакетную изгородь лоскутки пяти цветов: красный, синий, зеленый, желтый и черный. А утром, до подъема ребят, я проверил. Двух не оказалось. Захожу в дом и говорю:

— Ребятишки, подъем, торопись.

— Это куда еще? — забеспокоилась Нина Евгеньевна.

— Сейчас будем разыгрывать лотерею.

— Какую? — поинтересовалась Зоя.

— Встанете, тогда скажу.

— Я готова, — подбежала ко мне Зоя. — Показывай, что разыгрываешь.

— Дождемся всех, тогда... Вы все знаете, что Миша вчера выложил на забор цветные лоскутки.

— Знаем. Говори быстрее, — заторопила Нина Евгеньевна.

— Вчера было пять лоскутков, а сегодня осталось три. Угадайте, ка-

ких два цвета заколлекционировал себе Белоплечик? Идем по солнцу. Зоя первая, говори.

— Красный, черный.

— Синий, зеленый, — сказал Миша.

— Красный, зеленый, — сказала Нина Евгеньевна.

— Мама выиграла.

— Да. Пока мы спали, ты ей сказал, — усомнилась Зоя.

— Не говорил. Честно. Мама, скажи нам, почему ты назвала эти цвета? Это и мне интересно.

— Как только ты задал вопрос, я представила себе дорожный светофор. Главные цвета там какие? Красный и зеленый. Это для людей. Я и подумала: птицы, наверное, тоже быстрее реагируют на эти цвета. Поэтому я их и назвала.

— Какая же ты у нас...

— Умница, — добавила Зоя. — Какой подарок маме, показывай.

— Лучший подарок человеку — доброе слово... Ты его уже подарила.

Исчезновение красного и зеленого лоскутков меня настолько заинтериговало, что я сразу решил: «Сегодня после школы, во чтобы то ни стало часок понаблюдаю за воробьями».

Когда мы уходили в школу, потягивал ветерок. Поэтому, вернувшись с работы, я сразу проследовал к лоскуткам. Два висели на заборе, один валялся на земле. Я приподнял его и посмотрел на налечник. Воробьев не было.

Победив, я взял бинокль и говорю:

— Пошел охотиться на Белоплечика.

— Ни пуха, ни пера, — пожелал Миша.

— Пошел к черту.

— Иди, иди, хоть ты за меня свежим воздухом подыши. Счастливчик, а мне опять за тетради надо садиться, — сказала Нина Евгеньевна.

Наблюдательную позицию я выбрал у верстака, под навесом, так как из беседки не просматривалась земляная часть нашего двора. Взглянул на бинокль. Установил окуляры на плюс два и посмотрел на налечник, а там кончик красного лоскутика торчит. Значит, я не ошибся, что разыграл лотерею. Пуховичков на земле не обнаружил. И подумал: «Может ветер разнес».

Поставил на верстак самодельную скамеечку, сам сел на чурку. Положил на скамеечку бинокль, чтобы руки не уставали его держать. Позиция оказалась очень удобной. Теперь можно и по воробьям «стрелять».

Понаблюдая немного и сразу сюрприз: из-за налечника вылетел пуховичок. Его подхватило ветерком и закружило по двору. Тут же на кромку налечника вскочил воробей. Видно, что самочка. Вся серенькая, без темного нагрудничка. Я подумал: «Белоплечик за налечник натаскал столько пуховичков, что подруга не успевает их укладывать». Слежу за пуховичком и не заметил откуда появился другой воробей. На лету схватил пуховичок, опустил около маленькой лужицы, ткнул пуховичок в

воду и полетел с ним к наличнику. Мне сразу пришла мысль: «Завтра задам ребятам вопрос: зачем воробей намочил пуховичок? Пусть помозгуют».

14. БЕЛОБРОВКА

После школьного вечера, проведенного в честь Первого мая, ребята нашей улицы, в хорошем настроении шли домой. На всю улицу был слышен звонкий смех девочек, из общего шума иногда вырывался ломающийся голос мальчишек.

Дошли до своего двора. Я открываю калитку, а Нина Евгеньевна говорит:

— Мальчишки-девчонки! По домам! Пора спать!

— Ой, Нина Евгеньевна, так рано! — звонко прорезала вечернюю тишину Зоина подруга Щур Оля.

— Завтра праздник! Выспимся! — наперебой закричали мальчишки.

— Мы немного поболтаем и придем. Только на кухне свет не выключайте, — сказала Зоя.

— Хорошо. Разрешаю немного поболтать, а я пойду тесто на пирожки поставлю.

Утром проснулся — за окном чирикают воробьи. Лежу, слушаю и запоминаю их звуковые различия. А тут и Нина Евгеньевна заворочалась.

— Думаешь вставать? — говорю ей. — Поспи еще немного. Пусть голова отдохнет.

— С вашими воробьями поспишь. Говорила мешать будут. Так оно и есть. У вас только и думка о воробьях, а о матери — заботы нет.

— Тихо, — послышался голос Миши. — Идет.

— Кто идет? — сонным голосом спросила Зоя.

— Воробей по крыше.

— Ууу, — загудела Зоя, — и, возмутившись, сказала: — Обманщик.

— Спите. Дайте послушать, как они чирикают.

Вечером, перед сном, Миша поставил на подоконник магнитофон, к приоткрытой форточке прикрепил микрофон и говорит:

— Всем! Всем! Всем! Форточку не закрывать! Магнитофон не трогать. Утром буду записывать наших чувииков.

— Зачем? — спросила Нина Евгеньевна.

— На память. Папа записал «концерт лягушек», а я запишу «семейный разговор» воробьев.

Несколько дней подряд под окном повторялся воробьиный звонкий шум. Миша записал его на магнитофонную ленту. А неделю спустя, после Первого мая, под окном, наступила абсолютная тишина. Зоя это заметила и спрашивает:

— Папа, почему не стало слышно воробьиного шума?

— Так это можно догадаться.

- Как?
- Ты подумай. Какая у них была главная забота, когда мы наблюдали за Белоплечиком?
- Делать гнездо.
- Правильно. А зачем они построили гнездо?
- Чтобы в него снести яйца.
- Все верно. Самочка, наверное, нанесла яиц, сидит и греет их. Поэтому у тишина. Так какое второе — очень важное дело у самочки?
- Высидеть птенцов. А ты угадай, о чем я думаю?
- Откуда мне знать.
- Я хочу самочке имя дать.
- Это идея. И как мы раньше об этом не подумали? Только не имя надо дать, а кличку. Имя дается при рождении людям, а кличка — домашним животным, птицам.
- Пусть кличку.
- Самца мы называли Белоплечиком, а как назовем самочку?
- Белоплечиха.
- Не пойдет. Ты же знаешь, что она буровато-серая.
- Буренка! — выпалила Зоя.
- Я засмеялся. Зоя недоуменно смотрит:
- Чего смеешься?
- Буренкой-то кличут коров, — говорю ей. — Вон у наших соседей Буренка.
- Не смейся, давай придумывать кличку.
- Давай возьмем определитель и посмотрим. Видишь самочка домового воробья отличается от других воробьев широкой белой полоской над глазом... У нас выше глаз что?
- Бровь, — сказала Зоя.
- Белобровка! — крикнул Миша.
- Вот это да! Лучше не придумать. Белоплечик и Белобровка. Вот здорово у нас получилось.
- Белоплечик — Белобровка. Белоплечик — Белобровка, — затвердил Миша. — Стоп. Так это они как бы одной фамилии. Беловы, — и, подняв указательный палец, сказал: — Во! Какую я им фамилию придумал.
- У птиц фамилий не бывает. Не умничай. Правда, пап? Мишин будет Белоплечик...
- Не Белоплечик, а лейтенантик.
- А моя Белобровка.
- Что-то долго мамы нет, — беспокоился я.
- Мама придет я ей расскажу, как мы для подружки Белоплечика изобретали кличку.
- Смотрю Миша уселся за письменный стол. Открыл дневник и задержал на нем взгляд. Потом открыл тумбочку и начал на стол выкладывать нужные учебники.
- Занимайтесь уроками, — говорю им, — а я пошел к «первому».

— К кому-кому? — насторожилась Зоя.

— К «пер-во-му».

— К Петру Первому. Ты что не знаешь. Возьми книгу и почитай, — включился в разговор Миша.

— Да нет же. То был царь Петр Первый. Он давным-давно умер. А это настоящий, живой «первый». Вы что не знаете «первого»? Живете рядом и не знаете, кто «первый».

— Он шутит, — сказал Миша.

— Серьезно. Сказать вам кто «первый»?

— Скажи-скажи, — не отходила от меня Зоя, — а то и уроки на ум не пойдут.

— И, правда, надо сказать, а то из-за «первого» и уроков не приготовите. А потом в школе красней за вас. Так и быть. Слушайте.

Кто первый открывал морозное зимнее утро, когда вы боялись высунуть нос на улицу?

— Дед Мороз, — поспешил с ответом Миша.

— Вот и не Дедушка Мороз, а... во-ро...

— ...бей, — разом сказали мои собеседники.

Миша почесал затылок и говорит:

— Я хотел сказать: — Воробей...

— Хотел, да не сказал. А кто первым объявил о начале весны?

— Воробей, — наперебой сказали оба.

— Верно. Кто на крыше затевал первую весеннюю драку?

— Воробей.

— Кто первый песню любви пел?

— Воробей.

— Кто первым у нас над окном устроил гнездо?

— Воробей.

— Теперь вам ясно, кто «первый»?

— Ясно-ясно, можешь идти, — сказала Зоя.

— Иди скорей, а то с тобой и уроков не подготовишь, — сказал Миша.

Напильником точу лопаты, тяпки. Вдруг подбегает ко мне Зоя и говорит:

— Письменные уже сделала. Не видал тут Белобровки?

— Белобровки не видал, а Белоплечик, по-моему, шмыгал туда-сюда. Такой шустрый, что не вдруг-то и уследишь за ним.

— Белобровка, наверное, греет яйца? Интересно. Сколько она снесла яичек? Папа, ты не знаешь?

— Четыре-пять, а может и шесть. Белобровка об этом мне не докладывала.

— Так хочется заглянуть в гнездо, — говорит Зоя.

— Зачем?

— Посмотреть, какие яйца снесла Белобровка.

— Ты дерево дуб знаешь?

— Знаю. Дубы растут около Кии.
— У дуба бывают желуди.
— Видела. Осенью из желудей Миша делал игрушечных человечиков.
— Так вот знай: яички Белобровки не больше желудя.
— Такие маленькие?! С наперсток...
— Я и не подумал. Вы же с мамой мастера по вышивке. У вас свои сравнения.

Яички Белобровки серовато-беловатые с бурыми крапинками и легкой голубизной.

— Интересно. Сколько дней она будет сидеть на яйцах?

— Маленькие птахи высиживают птенчиков — всего за дней одиннадцать-двенадцать.

— Спасибо. Я побегала в магазин.

— Вот почемучка... Все ей надо знать.

Я вспомнил замечательного детского писателя Виталия Бианки, который был неустанным первооткрывателем прекрасного. Он говорил: «Весь огромный мир кругом меня, надо мной, подо мной полон неизвестных тайн. И я буду открывать всю жизнь, потому что это самое интересное, самое увлекательное в мире».

15. ЖИЗНЬ ЗА НАЛИЧНИКОМ

Середина мая. Утренние лучи солнца заглянули в окна нашего дома. Я распахнул окно в сад: слышу сзади рокот цепочки настенных часов с кукушкой. Семь раз прокуковала кукушка. От цепочки, которую тянула вниз тяжелая металлическая, похожая на еловую шишку, гиря, вдруг произошел дребезжащий гырк и рокот прекратился. Оконце, откуда раз за разом высывалась черная птичка, захлопнулось.

Пора кормить наше невеликое хозяйство: поросенка, десяток кур с петухом, Марс и, конечно же, красавицу Мурку. Мурку можно покормить и во время завтрака. Ей много не надо, а вот остальным надо приготовить и поднести каждому к месту.

Взял миску с едой для собаки и вышел из дома. Подхожу к Марсу, а он стоит с поднятой левой лапой, смотрит мне в глаза и машет ей. Я ему, так серьезно, говорю: «Что, «левша», поздороваться хочешь. Давай, давай пожелаем друг другу доброго здоровья». Взял лапу левой рукой и у нас получилось крепкое дружеское лапо-руко-пожатие. «Теперь кушай и никого не слушай, а я постою около тебя и послушаю, — говорю ему, — да чтоб миску вылизал, а то ужина не получишь».

Марс принялся за еду, а я слушаю: не отзовется ли кто из-за наличника? На улице тепло, приятно стоять. Безоблачное небо слегка зашторено розовой дымкой. Ветерок тихо-тихо, как мышь, копошится в кронах садовых деревьев и нежно ласкает сухостойную траву около забора.

Воздух, наполненный терпким запахом смородины, приятно кружит голову. Взглянул на кусты смородины, а они стоят, как шары салатного цвета. Вдруг слышу «фиуить-фиуить». Я встрепнулся. Кто просвистел? Откуда? Глаза мои забегали, обшаривая ветки деревьев и кусты смородины. Опять послышалось «фиуить — фиуить», потом защелкало на разные голоса. Кто же это? Я сделал два шага в сторону садика — из куста смородины выпорхнула птаха, села на безлистую сливу и на тебе — нарисовалась: горло блестяще-красное, грудь, бока серые, спина, крылья, хвост буровато-оливковые. Так это же соловей-красношейка, прилетел. Стою замороженный огненным пятнышком соловья и невольно говорю: «Радость моя. Откуда ты?» А он вроде бы понял меня, отвечает: «Фиуить-фиуить», да с переливчиком. Потом слышу негромкое, но долгожданное «чив». У меня сразу сердце ек. «Вылупился», — подумал я, и подошел поближе к окну. Постоял немного, опять послышалось писклявое «чив». Я схватил, начисто вылизанную Марсом, миску и бегом в дом. Переступил порог и кричу на всю квартиру: «Внимание! Слушайте все! В нашем хозяйстве прибыло!».

— Да ты что? — удивилась Зоя.

— Воробышек вылупился? — спросила Нина Евгеньевна.

— Так точно! Запомните день рождения чувлика! — схватил ведро с кормом для поросенка, ковшик с зерном для кур и помчался...

За завтраком мы с Зоей договорились: как только она приготовит письменные задания, так сразу пойдем слушать родившихся чувликов.

Пообедав, мы разошлись по комнатам и занялись каждый своим делом. В четыре часа я напомнил:

— Зоя, не забыла.

— Помню, помню. Сейчас допишу и я готова.

— Не торопись, время еще есть.

Когда мы уходили на улицу, я Мишу спросил:

— С нами пойдешь?

— Зачем? Я и так услышу. Форточку открою и подслушаю, как будут плакать чувликата.

— Как знаешь, а мы пошли.

Увидев нас, Марс запрыгнул на завалинку. По нашей просьбе он вежливо Зое и мне подал левую лапу.

— Ты знаешь, — говорю Зое, — я его сегодня назвал «левой», а почему? Как думаешь?

— Наверное, потому что, когда попросишь лапу, он сразу дает левую. Он подражает тебе. Ты же все делаешь левой рукой, даже пишешь

левой и здороваешься левой. Он и привык подавать тебе левую лапу. Так что не обижайся, сам виноват.

— Правильно рассудила. Давай его отпустим, чтоб не мешал нам. Зоя отстегнула ошейник. Марс прыгнул с завалинки и побежал, лапой ударил по калитке и выскочил со двора. Я ему вслед:

— Не забудь экспонат принести!

Мы присели на завалинку под окном. Миша увидел нас, постучал карандашом в окно и махнул: уходите, мол, а то пугать будете. Мы отошли в сторонку. Зоя говорит:

— Давай я принесу зерна. Курочек покормим. Воробьишки поклюют, а заодно и покормят птенчиков.

— Согласен. Белоплечик-то поклюет зернышки. Может отнесет и Белобровке, а вот птенчикам-то пшенички он не даст.

— Почему?

— Потому что пшеница грубая. Желудочки у них сейчас слабые. Им бы личинок, куколок, гусениц, да мух. Вырастут, тогда можно и пшеничку.

Зоя принесла зерна и, рассыпая, позвала кур. Куры стали клевать, а я предложил:

— Ты, Зоя, пойди в садик, присядь и через штакетник поглядывай на кур и на налечник, а я пойду под навес. Будем слушать чувилюков.

— Семейю Беловых, — с улыбочкой уточняет Зоя.

— Точно, семейю Беловых.

Сию, поглядываю на кур, на налечник, задумался. Вдруг слышу негромкий Зоин голос: «Папа, папа, смотри». Я взглянул на Зою, а она тычет пальцем на кур. Я сразу понял, что там, где-то среди кур воробей. Смотрю на кур, не вижу. А Зоя тычет и тычет пальцем в сторону кур. В это время из-за кур выпорхнул воробей, перемахнул через забор и опустился в садик. Прошло несколько секунд. Воробей уже летит из садика и сходу шмыгнул за налечник. Я сразу услышал громкое «чив», а следом повторилось писклявое «чив». Все ясно. Их там уже несколько», — подумал я, и вышел из-под навеса.

Зоя приподнялась и говорит:

— Интересно так было. Петух клюет зерно, а сам все ближе и ближе к воробью. Воробей бочком от него скок да скок. Сам зернышки клюет и клюет. Потом петух только замахнулся на него, а воробья, как не было, в садик полетел.

— И что же он в садике делал?

— Он только сел и сразу испарился. Куда? Я аж напугалась. Смотрю старые листья шевелятся. Думаю, мышь копошится. А из листьев — раз и вынырнула голова воробья. Я чуть не крикнула. А он нырь, и пропал. Так все быстро-быстро у него получилось. Потом фырк. Я встала.

— Он за налечник спрятался. Это Белоплечик был. Он в прошлых-них листьях птенчикам куколок искал.

На следующее утро Миша собрался поросенка кормить. Взял ведро с приготовленной пищей и торопливой походкой вышел из дома. Вскоре вернулся и говорит:

— Вы бы чувиликов покормили. Они, наверное, уже умерли с голоду. За все утро ни разу ни пискнули.

— Чем кормить. Зерно давать нельзя, гусениц нет, козявок не так просто найти. Ты бы только посмотрел, как вчера Белоплечик козявок искал, — говорит Зоя.

— Что предлагаешь? — говорю ему.

— Варить кашу, картошку, мочить хлеб. Я сейчас видел, как Белобровка в корыте остатки пищи клевала. Увидела меня, схватила хлебную крошку и за наличник.

— А что, это идея. Такой корм для чувиликов само то... Зоя, тебе даем задание: для чувиликов будешь обеды готовить.

— В птичьи ясли тебя назначаем поваром, — пошутил Миша.

— Согласна. Если надо — буду готовить, — сказала Зоя.

— А тебе, Миша, надо восстановить столовую, только поближе к окну. Придешь из школы, сделай кол и забей в землю против окна. На кол прикрепи кормушку ту, что зимой вешали в беседке.

— Может на черемухе повесить?

— Не надо. Мурка будет беспокоить. На кормушку будем класть все, что приготовит кухарка...

— Беловых, — добавил Миша и с хитрецей подмигнул.

— Кормушку установи на высоте больше метра, и так, чтобы нам хорошо была видна из окон. Птенцов первого выводка обязательно надо подкармливать. Для малышей нужна диета. Насекомых еще мало. Зелени почти нет. Поэтому птичьей детворы и гибнет так много, особенно в городе, от белкового голодания.

— Ты говоришь, у них сейчас «белковое голодание», — включилась в разговор Зоя, — может им сварить куриное яйцо и дать белок?

— Можно, можно, — заметила Нина Евгеньевна. — Мы же цыпущек, утят и гусят, в домашних условиях, только и выхаживаем яичным белком да молочком.

— Надо птичьего молока попросить у моих голубей, — подшучивает Миша.

На обед мы с Зоей пришли из школы вместе. Зашли во двор и сразу к Марсу. Миша увидел нас, вышел на улицу и говорит:

— Посмотрите, как я сделал.

Я взглянул на кормушку, одобрил. А Зоя говорит:

— Папа, ты говорил кол забить, а он трубу забил.

— Так это еще лучше. Мурка когтями не цапнется. Смотри, как гладко и твердо. Разумно. Ничего не скажешь.

— Кто придумал! — Миша гордо пальцем ткнул себе в грудь.

Зоя сварила гречневой каши и одно яйцо. Желток съела, а белок порезала мелко-мелко и вынесла на кормушку, вернулась, говорит:

— Господам чувиликам кушанье подано. Пусть едят на здоровье, да побыстрее растут.

— Если будешь каждый день подкармливать такой пищей, то крохотульки за неделю в пять-шесть раз больше станут.

— Так быстро растут? — удивилась Зоя.

— Расти будут не по дням, а по часам, как на дрожжах. Ты видела, как у мамы на дрожжах тесто быстро поднимается.

— Видела.

— При хорошем корме птенчики через 20-26 дней станут почти взрослыми.

— Пойду на гитаре поиграю, а то скучновато стало. Воробышки не поют. Только и слышно: куд-кудах, куда-куда яйца складывать.

— В корзиночку, в корзиночку, — весело сказала Зоя.

— Воробьям теперь не до песен. У них сейчас третья главная забота — выкормить птенцов. Обрати внимание, кормят с утра до вечера. У них сейчас считай двадцать часов непрерывного труда.

— Ладно, я пошел, — сказал Миша.

— Когда же они спят? — спросила Зоя.

— Есть такая пословица «Пришла весна, тут уже не до сна», — напомнила Нина Евгеньевна. — Такая уж у птиц семейная доля.

— Пора и нам засучивать рукава, — говорю я.

— Подраться хочешь? — спросила Зоя.

— Комары появились.

— Это хорошо. Дополнительный корм чувиликам будет.

— Чувилики чувиликами, а нам пора картофель сажать. Вы думаете, что я просто так сказал. В этом есть крестьянский смысл «Комары появились — конец холодам». Земледельцы не зря придумали пословицу «Увидел комара — сеять пора».

— Надо и нам спешить. Ты тяпки приготовил? — спросила Нина Евгеньевна.

— Инвентарь готов. Сегодня надо из подполья достать картофель. пусть согреется, а в воскресенье, если не помешает дождь, с утра на посадку. Мне в память хорошо врезался родительский наказ: «Весенний день год кормит». Так что с посадкой опаздывать нельзя.

Шли последние дни мая. Зоя не прекращала подкладывать в кормушку свежую пищу. Ежедневно мы замечали, как Белоплечик и Белобровка посещали ее. Ненасытные птенчики чирикали весь световой день. Миша иногда стал высказывать недовольство в адрес шумливого семейства Белоплечика.

— Нечего на них обижаться, — сказала Нина Евгеньевна, — сами привели.

— Хорошо, что шумят. Сейчас самое время, когда наши друзья приносят неоценимую пользу.

— Какая неоценимая польза от них? — поинтересовалась Нина Евгеньевна.

— Не знаешь? Зоя, расскажи маме.

— Мама, слушай. О пользе воробья я тебе сейчас целую лекцию прочитаю... Обожди... Так... С чего начать. Ну вот так. Самые полезные птицы для нашего двора—это скворцы и воробьи. Разных волосатых гусениц поедают только воробьи да кукушки. Еще что сказать. Папа, я вчера видела на черемухе маленьких гусениц. Это же самая вкусная еда для птенчиков... Так... Так... Вот и вся лекция.

— Маловато, — сказала Нина Евгеньевна.

— Еще маме надо сказать, что одна такая семья, как у Белоплечика, пока выкормит птенчиков, уничтожит до двух килограммов насекомых.

— Так они съедают и полезных насекомых, — говорит Нина Евгеньевна.

— Да, конечно, они, как и муравьи, без разбора уничтожают насекомых, — говорю я, — а получается, что они больше уничтожают вредителей.

В США, в городе Бостоне, поставлен памятник воробью за спасение полей и садов от гусениц. Конечно, бывает и так, когда у домовых воробьев птенцы вырастут, то они вредят посевам зерновых, конопле и подсолнечнику. Наши совхозы в районе имени Лазо из зерновых сеют в основном сою, а сою воробьи не едят. Значит они у нас и в других местах где не сеют зерно, особенно в городах, приносят только пользу. А сколько они уничтожают семян сорных трав, вы бы только знали. Однажды в зобу одного погибшего воробья было обнаружено 289 семян сорных трав.

А в Китае в шестидесятых годах нашего столетия, подсчитав сколько риса и пшеницы съедают воробьи, их почти целиком уничтожили. И вскоре недавних «врагов» пришлось закупать в Монголии и выпускать там, где истребили. Без воробьев катастрофически расплодился насекомые-вредители. Убытки от них намного превысили стоимость зерна, съеденного птицами.

16. СЛЕТКИ

С учениками я занимался ремонтом школы. Пришла Зоя и говорит:

— Отойдем в сторонку.

— Что-нибудь случилось?

— Ничего страшного. У нас сегодня приятная новость.

— Птенчиков видела?

— Как ты угадал?

— Зачем гадать. Можно подсчитать. Сегодня шестое июня. Сколько дней прошло с четырнадцатого мая? Помнишь я говорил: «Запомните день рождения птенчиков».

— Помню.

— Посчитай. Сколько дней прошло.

— Двадцать два.

— Я говорил, что через 20-26 дней птенчики станут взрослыми и будут покидать гнездо. Вот и весь расчет. Ты теперь больше будь во дворе, да смотри, чтоб Мурка к ним не подобралась. Где она сейчас?

— Не знаю.

— Вот видишь. Птенчик слетит на землю и будет ему конец. Ты Мурку в доме придержи.

Я подтолкнул Зою в плечо и сказал вдогонку:

— Торопись! Чтоб одна нога здесь — другая дома!

В этот день, возвращаясь с работы, я шагал крупно и быстро. Еще не успел за собой закрыть калитку, как Марс запрыгнул на завалинку и замахал лапой. Из-за угла вышла Зоя и зовет к себе.

— Смотри, он давно уже там. Родители его кормят часто-часто.

— Ух ты! Какой большой! Совсем, как взрослый, только крылышки да хвост чуть покороче, чем у папы с мамой. Это уже «слеток».

— Он что уже летать может? — спросила Зоя.

— Только вниз да немного в сторону, но если опустится на землю, то сегодня на гнездо уже не взлетит. Силенок не хватит. Поэтому он и называется «слеток». Иногда их еще называют «поршками». Порхают на один-два метра, а далеко лететь не могут. У них в жизни сейчас самое опасное время. Особенно много гибнет городских слетышей. Спустится со второго, пятого этажа, а подняться не может и спрятаться негде. Весь на виду. Если кошки не съпают, то дети поймают и забавляются им, предлагая разную пищу. Думают, что спасают, на самом деле не спасают, а губят. А когда начинается погоня за слетком, то вспугивают других птенцов и в суматохе их часто давят.

— Смотри, прилетел, — говорит Зоя.

Воробей подсел к слетку и в широко открытый клюв положил насекомое. В этот миг из-за наличника высунулись желторотые головки. Орут, как будто все разом попали в пасть злему коту.

— Это Белоплечик. Отец семейства. Твоей кашей уже не кормит. Летает за насекомыми.

— Из садика прилетел.

Белоплечик опять полетел в садик. Желторотики замолчали и головки спрятали за наличник.

— Жди сейчас Белобровку, — говорю я.

И действительно, вскоре появилась она. Слеток с открытым клювом затряс крылышками. Опять показались головки желторотиков. Мама отдала пищу одному из них.

— Заметила. Слеток понимает, что у мамы ничего нет. Перестал махать.

— И рот закрыл, — добавила Зоя.

Слеток клюнул маму в плечо.

— Козявку, наверное, от нее требует, — говорит Зоя.

— Может посылает за жучком.

— Давай его как-нибудь назовем.

— Зови как хочешь, только их сейчас не различишь: девочка это или мальчик. У мальчика на грудке темного пятна еще нет. Малыши сейчас больше похожи на маму, чем на папу.

Белобровка снялась и полетела в огород.

— Ты заметила, что слеток намного светлее мамы. Как будто она его только что...

— Искупала, — сказала Зоя.

— Я тоже это хотел сказать. Он сейчас очень похож, знаешь на какую птичку?

— Какую?

— На пуночку.

— Не знаю такой птички.

— Есть рассказ «Белый воробей». В нем говорится, как он, Саша Дорофеев, мальчиком приехал на север, увидел пуночку и принял ее за белого воробья. Он представлял, что на севере все животные и все птицы белые. И подумал, что воробьи там тоже белые. А того не знал, что на севере воробьи не живут. Поэтому и назвал пуночку белым воробьем. Почитай. Интересный рассказ.

Пока мы разговаривали, на наличник вскочил второй слетыш.

— Второй, — сказала Зоя. — Сколько же их там? Вот бы взглянуть. Какие хорошенькие. Не зря им кашу варила.

— Схожи, как две капли воды.

— Как близнецы, — поправила Зоя.

Птенчики поглядывают в разные стороны. Наконец-то по-настоящему увидели белый свет. Вдруг первый слеток сорвался с наличника, пролетел метров пять и присел на штакетник. Качнулся, но удержался. И тут как тут кто-то из родителей. Слеток с открытым ртом помахал крылышками и получил какую-то козявку. Долго заглатывал, по всей вероятности насекомое было большим. В это время родитель усмотрел летящего жука. Порхнул и схватил его. Опустился на землю. Подолбил жука, подлетел к слетышу и в желтый рот положил новую порцию.

— Давай уйдем, — говорю Зое, — не будем их отвлекать от важного дела. Родители стараются их чаще кормить, чтобы окрепли быстрее и могли перелетать хотя бы с ветки на ветку.

Следующим утром Миша попросил меня вынести поросенку. «А я курочек покормлю, — сказала Нина Евгеньевна, — пусть доча еще полежит» Пищу я вылил в корыто и открыл сарайку. Поросянок подбежал, забулькал, зачавкал. Засидевшиеся куры полетели, побежали во двор. Вдруг слышу:

— Харитоныч, иди сюда, скорее.

— Что случилось?

— Воробышек.

— Где?

Нина Евгеньевна пальцем показала на воробья.

— Вижу.

— Кормит птенчика, — почти шепотом говорит Нина Евгеньевна. Смотрю, куры столпились, клюют пшеничку. Белобровка чуть в сторонке от кур, а в метре от нее на одном месте стоит слетыш. Трясет крылышками, да так смешно, словно от холода дрожит. Белобровка хватъ зернышко, скок-скок к слетышу, а у него уже клюв открыт. Мама положила зернышко в рот и обратно скок-скок к пшеничке. Хватъ зернышко, скок-скок к птенцу, а он и не переставал крылышками трясти и держит клюв открытым.

— Какой баловень, — сказала Нина Евгеньевна.

— Еще не понимает, что надо самому клевать.

Белобровка положила зернышко перед поршком. Стук-стук его клювом, но не слотнула, дала понять, что надо самому так делать. Птенец голову опустил, потом хватъ зернышко и проглотил. Мама опять принесла зернышко. Слетыш повторно склюнул его.

— Видишь, как быстро научила самостоятельности. Теперь с голоду не пропадет, — говорю Нине Евгеньевне. — После этого урока у птенчика пойдет самостоятельная жизнь. Пойдем.

Зашли в дом. Я сразу говорю:

— Ребятишки, спите? Слушайте утреннее сообщение.

— Какое? — отозвалась Зоя.

— Сейчас мы с мамой видели, как Белобровка своего малыша учила питаться.

— Хватит чувиликам сидеть на шее у родителей. Пора и честь знать, — сказала Нина Евгеньевна.

Прихожу с работы, Зоя сидит в беседке, кого-то шлепает, приговаривая:

— На. На тебе. Ты что не знаешь, что этого делать нельзя. Знай, знай.

— Кого там наказываешь?

— Папа, она воробышка задавила. Вот он. Смотри что сделала, — и со слезами: — Мне так жалко...

— Одного уже нет, — говорю я, а у самого сердце так защемило...

— Я ее в подпол закрою, пусть посидит там. И кормить не буду. Будет знать как воробышков ловить.

— Не возражаю. Пусть мышей ловит... Мурка, как же это ты опозорилась? А? И не стыдно тебе? — и только руку протянул к ее голове, как она уши поджала, глаза закрыла. — Что боишься? Отвечай за свой поступок, — взял ее ухо и легонько потрепал. — Отпусти ее. Она больше не будет.

— Ага, она еще поймает.

— Не убивать же ее. Мышей и крыс кто выловил?.. Мурка.

— Пошли в летнюю кухню. Там будешь отбывать наказание, — сказала Зоя и закрыла кошку. Потом взяла в ладоши воробышка, приложила к уху, и, сникшим голосом выдавила из себя: — Не дышит. Пойду закопаю.

Я тоже, не меньше, чем Зоя, разволновался. И чтобы как-то отвлечь себя от грустных мыслей я Зою спросил:

— Миша дома?

— Пошел для кошки гольянов ловить. В обед ушел и Марса с собой взял. Получит она у меня гольянов.

Я подошел к калитке и стал выглядывать Мишу. Смотрю по улице идет ватага мальчишек. У самого маленького футбольный мяч. Подходят ближе, и я их всех узнаю. Впереди идет Колька Сомов. Грудь нараспашку. На животе концами рубашки узел завязан. От вечернего солнца золотоволосая голова блестит. Широкие штанины болтаются, пыль поднимают. В правой руке, прижатой к груди, что-то держит. Поровнялись со мной. Колька первый приветствует:

— Фертоныч, здравствуйте!

— Здравствуйте! Здравствуйте! — на перебой здоровались мальчишки.

— Коля, что несешь? Если не секрет, покажи, — обратился я к капитану футбольной команды. — Уж не приз за победу?

— Птенчика, — застенчиво ответил Колька.

— Это интересно. А ну покажи.

Мальчишки, один другого меньше, поглядывают то на Кольку, то на меня. Следят за нашим каждым движением, словом. У Кольки из кармана рогатка торчит.

— Вы что из рогаток в птичек стреляете?

— У нас рогаток нет, — из-за спины Кольки послышался робкий голос. Колька повернулся ко мне боком, так чтобы я рогатку не видел.

— Дай мне подержать, а то я маленьких птенчиков так близко не видел.

Колька птенчика отдал мне.

— Воробышек, слетыш, — говорю я. — Обидели тебя. Как же вы его поймали? Расскажите. Наверное, трудно поймать. Он ведь уже летает.

Мальчишки задвигались. Я вижу, что они хотят рассказать, но ждут Колькиного согласия.

— Секрета уже нет. Воробышек пойман. Чего стесняться... Леша, ты хороший рассказчик, давай говори, а то мне надо идти.

— Расскажи, — буркнул Колька.

— Поиграли мы в футбол около школы, — начал рассказ Леша, — и через садик пошли домой. Колька шел впереди. Шел, шел, потом остановился. Пацаны закричали: «Братва, воробей!» — А воробей лежит на тропинке и хлопает крылом. Ну, как подбитый. Лететь не может. Пацаны кричат: «Лови его!» — «Обожди! Я с рогатки!» — остановил пацанов Колька. (Колька незаметно рукой толкнул Лешу). Зачем с рогатки? Так лови! Видишь он раненый!» — кричим мы. Колька побежал к воробью, а он поднялся и полетел. Пролетел немного и упал на тропинку. Лежит на боку, крылом бьется.

— Подранок да и только, — добавил я. — Извини, что прервал рассказ. Продолжай.

— Пацаны опять как закричат: «Лови! Колька, лови!» Колька только к воробью, уже руку вытянул, а он фыр — и полетел. Колька не остановился, бежит с протянутой рукой. (Я вижу, что Кольке не удобно, отвернулся от меня). Пацаны стали по-разному кричать:

— Стой! Куда бежишь!

— Балда! Не видишь, что обманывает тебя!

Колька остановился. Пацаны стали ему доказывать:

— Он претворяется.

— Дурит тебя. Это я уже точно знаю. И никакой он не подранок.

— Коля, ловко же он тебя, говорю я.

Мальчишки засмеялись, улыбнулся и я.

— Ну, а как же вы этого птенчика поймали? Ты так и не рассказал.

— Это Васятка поймал.

— Как ты его увидел? — спрашиваю Васю.

— Иду за пацанами, воробей около меня пырх из травы и сразу упал.

Я бросил мяч, хватя его. Так и поймал

— Интересно. А вы знаете, что птенчиков ловить нельзя, а то они могут погибнуть.

Одни мальчишки сказали: я знаю, другие — нет.

— Что же надо сделать, чтобы этот птенчик не погиб?

— Надо отнести к воробьям, — сказал Леша.

— Правильно. И отпустить его в то место, где его мама была, которую Коля хотел поймать, да она его обманула.

Ребята посмотрели на Кольку.

— Можно я его отнесу? — сказал Леша.

— Можно, только с Васяткой. Он знает то место, где ловил. Туда и надо пустить. Мама там ждет его. А рогатки сегодня же выбросьте в печь.

Коля опустил голову.

— Спасибо за интересный рассказ, — на прощанье говорю им.

Мальчишки разделились на две группы и пошли в разные стороны.

Справившись с хозяйственными делами, я решил поработать за письменным столом. Только собрался с мыслями, как слышу за окном громкое чириканье. Посмотрел в окно, увидел, — на черемуховой ветке притаилась Мурка. Немного выше сидит воробышек, а еще выше Белобровка тревогу бьет: «Чир! Чир! Чир!» Я заинтересовался: «Как же Белобровка будет спасать его?». Отложив дело, стал наблюдать.

Сразу же мое внимание привлекла Белобровка. Она, как заводная, неумно кричала: «Чис! Чис! Чис!» Порхает с ветки на ветку и поднимается все выше и выше. «Приглашает подняться на верхушку дерева, там безопасно», — разгадал я замысел Белобровки. Но несмышленыш того не понимал, что говорила ему мама и продолжал сидеть на одном месте. Мурка тем временем, подобрав под себя лапы, подбирается к птенчику все ближе и ближе. Белобровка порхнула и села на ту ветку, по которой подкрадывалась Мурка. И села на самый ее кончик. Веточка зака-

чалась, Белобровка замахала крылышками, Мурка тут же изменила направление и стала подкрадываться к ней. Ветка под кошкой становилась все тоньше и тоньше. Мурка дальше двигаться не рискнула, посмотрела на птенчика. Вдруг Белобровка падает на землю да так, как будто у нее поломаны оба крыла. (Она ими машет, но лететь не может). Упала на бок и продолжает махать. Мурка соблазнилась готовой поживой и прыгнула на Белобровку. Приземлилась, а птахи нет. «Куда же она исчезла?» Глядит по сторонам. А Белобровка, как ни в чем не бывало уже сидит около малыша и поглядывает на Мурку.

Мурка вернулась к стволу черемухи и стала точить когти. Я постучал в окно. Мурка увидела меня и бросилась наутек.

— Бессовестная. Только наказывали, а она опять за свое, — говорю вслух.

— Папа, кого ругаешь? — спросила Зоя.

— Кого? Виновницу. Сейчас только хотела сцапать воробышка да не вышло. Мама воробышка оказалась хитрее Мурки.

— Так ей и надо, — сказала Зоя.

17. ВОРОБЬИНЫЙ КУРОРТ

Июнь стоял без дождей. На дорогах за машинами тянулись клубы пыли. Мы ежедневно занимались поливкой помидор и огурцов. Воду надо было носить далеко. Поэтому на это время у всех членов семьи определились свои обязанности. Я качаю воду, Зоя с Мишей ведерками нося ее на огород, а мама поливает. Однажды кончили работу Зоя говорит:

— Я пошла к Оле.

Но не дошла до калитки, бежит обратно.

— Пойдем, воробей там.

— Ну и что ж.

— Ты посмотри, что он делает.

Мы подошли к калитке.

— Видишь, — говорит Зоя. — Он там, в кругу, где мы играем в мяч.

— Сейчас вижу. Ишь закопался, хитрец, не сразу и заметишь.

Воробей лежит без движения. Хвост распущен, крылья к земле прижал. Вдруг как замашет крыльями — и полетела пыль во все стороны.

— Купается, — шепчу Зое.

— Кто же купается в пыли?

— Птицы, как видишь.

А воробей с боку на бок ворочается. Лапками землю гребет, машет то одним крылом, то другим, и теряется в облачке пыли.

— Птицы купаются и в воде, и в песке, и даже в муравейниках.

Воробей встал, вытряхнул из себя пыль, опять в луночку лег. И все начал как и прежде. Лежит на боку, крыльями машет, сильно поддает но-

гами, грудью толкает бортик купалки-луночки, как будто хочет сдвинуть его.

— Я раньше видел эти луночки, но думал, что это их специально выдолбили для игры в мяч.

— А я не видела.

— Не обращала внимание. Лунок много. Он, наверное, не один здесь купается.

— Зачем они в пыли купаются?

— Обожди. Потом. Давай еще понаблюдаем.

Подлетел второй воробей и тоже погрузился в землю. Хозяин первой лунки вскочил, поставил крылья, как у реактивного самолета, голубу в плечи втянул, клюв направил, как пику и скок-скок к соседу по лунке. Сосед вскочил и завязалась драка. Клюют друг друга. Пищат. Крыльями машут. Потом взлетели. В воздухе барахтаются и падают на землю. Миг и один лежит на спине, выставил ножки и пищит. Другой вскочил на него, вытянулся солдатиком, лапками уперся в грудь, а на лапках красные колечки.

— Белоплечик! — обрадовалась Зоя.

— Тихо. Пусть заявит о себе до конца, что он хозяин нашего двора.

Белоплечик два раза клюнул лежащего воробья и полетел в наш садик.

— Сейчас расскажешь, зачем они купаются в пыли? — напомнила Зоя.

— Освобождаются от амбарных клещей и других насекомых, которые являются возбудителями разных болезней.

— Ясно. Пошла.

Как-то Нина Евгеньевна подошла ко мне и показывает стебелек травы.

— Что за трава знаешь?

— Полынь. Лечебная трава. О ней написано в книге «Лекарственные растения Дальнего Востока». У полыни много эфирного масла. Чувствуешь, как сильно пахнет. Горький, дурманивший ее запах не особенно приятен. В народе издавна ею лечатся. Полынью лечатся животные и птицы.

— Я сейчас видела, как воробей сидел на этом стебельке. Отрывал листочки и заглатывал. Потом оторвал листочек и полетел к нашему дому. Я оторвала стебелек, на котором он сидел, и тебе принесла, чтобы ты знал, какую траву едят воробьи. Она на меже огорода растет.

— Большое тебе спасибо за важную информацию. Никогда не видел, чтобы воробей ел полынь. Надо же! Сам полечился и, должно быть, Белобровке понес. Ей сейчас некогда, яйца греет. А может он полынь натаскивает в гнездо, чтобы у птенчиков в перо не заводились насекомые-паразиты. Полынь ведь своим запахом отпугивает их. В гнездо полынь приносят и скворцы, и воробьи. Это я уж точно знаю.

— Скажи, пожалуйста, кто их этому учит? — говорит Нина Евгеньевна.

— Кто? Сама природа. Кто же еще? Айболита у них нет. Вот и приходится им заниматься самолечением.

В конце июня за наличником закричали чувлики второго выводка. Я подозвал Зою и говорю:

— Ну как? У кухарки к своей профессии интерес еще не пропал? Слышишь над окном какой шум. Будем подкармливать?

— Зачем? — ответила Зоя. — Вкусенького для них и так хоть отбавляй. Смотри, сколько кругом жуков, мух, гусениц, бабочек. На десять выводов хватит. Сам видишь, как у черемухи листья погрызли.

— Правильно говоришь. Очень даже правильно. На другой год к весне мы приготoвимся во всеоружии. Ох! И наделаем же домиков для наших друзей! Штук десять!

— Где вы их будете вешать? — из летней кухни послышался голос Нины Евгеньевны.

— Где? Поставим жердушки в садике, у сарайки, на них домики повесим. На западе так устраивают домики для скворцов, и они живут. Уж если у нас воробьи за наличником живут, то в домиках и подавно будут жить. Не кричать же нам караул: «Черемуху спасайте!».

— Если будем сидеть сложа руки, то насекомые не только у черемухи листья съедят, но и уши нам отгрызут, — сказал Миша.

— Делайте сколько хотите. Всем корма хватит, — заверила Нина Евгеньевна.

В июле мы всей семьей отдыхали в Комсомольске. За хозяйством согласились присмотреть наши соседи. А когда вернулись домой, была середина августа. Все сразу заметили, как за наличником пищали чувлики третьего выводка. Этому выводку и подавно не надо было оказывать помощь. Ведь шел «месяц Урожая», и воробьи в это время очень богаты.

Вскоре Миша заметил, что некоторые подсолнухи кто-то шелушит прямо на корню. Он срезал одну кружалку, принес и показывает. Я посмотрел и подивился: «И зернышки-то спелые выбрал! Пустые не тронул. Те, что на семена оставим, надо обвязать марлей. Пусть на корню дозревают, а остальные можно срезать и разложить на крыше летней кухни. Они и так дозреют.

— Все равно узнаю, кто шелушит, — сказал Миша.

На другой день Зоя увидела незнакомых птичек и зовет меня.

— Папа, иди посмотри, что за птички? Какие красивые.

— Где?

— Вот на дереве. Косточки черемухи раскалывают и мусорят на крылечко. Потом за них подметай тут.

— Ох ты! Да это же дубоносики. Смотри какие у них клювы мощные. Таким птичкам палец в рот не клади...

Дубоносики сидят на веточках. Одну за другой ягодки срывают, косточки раздавливают, ядрышки съедают, а шелуху бросают.

— Они, наверное, вместе с воробьями и наши подсолнухи шелушат? Об этом надо Мише сказать.

Вечером мы рассказали Мише про дубоносиков.

— Завтра срежу подсолнухи. Пусть питаются черемухой, рябиной, бояркой, а семечки я и сам полужгаю.

Спустя два дня я находился на летней кухне. Слышу:

— Мишка! Мишка!

Я вышел и говорю:

— Его дома нет. Зачем он тебе?

— Фертоныч, гляньте. На крыше у вас вор.

— Что за вор? А ну поглядим.

— Вор — воробей, — серьезно сказал Коля.

— Коля, ты еще и шутник. Это мне нравится. А здороваться кто будет?

— Здрасьте!

— Здравствуй, шутник.

Коля улыбнулся и дальше пошел.

Миша пришел домой, я ему и говорю:

— Подсолнуховые головки так не кладут, как ты их разложил.

— А как?

— Надо класть семечками вниз, так они лучше дозревают. А как ты положил, то птички их шелушат. Зачем им на огороде летать, когда они рядом лежат.

— Я им на огороде оставил пять штук. Пусть летают туда, эти я сейчас переверну.

Миша подставил лесенку и полез на крышу переворачивать головки подсолнухов.

Начался учебный год и у нас стало забот хоть отбавляй. До обеда школьные занятия у всех. После обеда помощь совхозу в уборке урожая, да еще со своего огорода вовремя все надо убрать. Уставший, я в беседе присел отдохнуть. Подошла Зоя.

— О чем задумался? — спросила она, — Ни Беловых ли вспоминаешь, как мы их тут кормили, ловили?

— Сейчас не до них, скорей бы выкопать картофель, а то дожди могут пойти. О воробьях что думать, у них сейчас курортное время. Ни забот, ни хлопот. Отдыхают.

— А ты знаешь, около школы я видела воробья такого некрасивого. Жуть. Потрепанный весь. Как будто его кто пощипал. Все забываю тебе сказать.

— Правильно ты подметила. А знаешь, почему он так плохо выглядел?

— Нет.

— Воробьи осенью линяют. Ты же знаешь, что у нас линяет и Мурка.

— И Марс, и куры...

— Стоп. Знаешь, знаешь. А ты знаешь, кто летом серый, а...

— Зимой белый. С детского сада знаю. Заяц.

С наступлением осенних заморозков и Миша мне напомнил о воробьях:

— Второй раз встречаю воробьев с перьями в клювах. Уж не думают ли они в такой холод птенчиков выводить?

— Гнезда утепляют. И не случайно. Поджидают большой холод. Мы в зиму окна, дома утепляем, воробьи — гнезда.

На осенних школьных каникулах Зоя просматривала мою библиотеку. Взяла книгу «Птицы СССР». Просмотрела цветные картинки, полистала и говорит:

— Папа, как этой книгой пользоваться?

Я рассказал и показал, как пользоваться определителем птиц. Она прочитала про домового воробья и говорит:

— Почему не написано сколько лет живет Белоплечик?

— Не знаю, почему авторы книги не написали. Это у них надо спросить. Может не знают.

— А ты знаешь?

— Знаю. В природе воробьи редко живут более двух лет.

— Так мало?

— Так мало. А в неволе доживают и до тринадцати лет.

— Так много?

— Так много. Проверено. Это не выдумка.

— Может наш Белоплечик уже погиб. Я его что-то не встречаю.

— Я тоже не вижу.

— Хорошо было бы, если б в определителе писали, сколько лет птицы живут.

Зоя помолчала. Закрывает книгу и опять заговорила:

— Папа, давай купим клетку для птиц.

— Зачем?

— Хочу проверить, сколько лет проживут в клетке воробьи.

— Клетку покупать не надо. Она у нас есть. Миша ее убрал в кладовую. Можешь взять.

Зоя принесла клетку. Налила в тазик воды и стала ее мыть. Зашел Миша.

— Тебе кто разрешил клетку взять?

— Папа.

— Что с ней думаешь делать?

— Проверим, сколько лет проживут наши полетнинские воробьи. Ты почитай определитель. В нем про это не написано, а я хочу знать.

— Видишь, чего захотела. А ты подумала, каково в клетке будет воробью?

— Я его кормить буду.

— Чем бы ты его не кормила. А если тебя посадить в клетку. Понравится?

- Тоже... сравнил. То воробей, а то я — человек...
 - Свобода всем нужна. Неужели ты этого не понимаешь?
 - Понимаю, думаешь, что я уже того...
- Зоя насухо вытерла клетку и отнесла ее в кладовую.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
1. Воробей за окном.....	3
2. Кормушка-ловушка	4
3. Пернатый «лейтенант»	8
4. Где живут воробьи?	12
5. Голубая сорока	13
6. Марс коллекционер	14
7. Мурка-синоптик	15
8. Как прогнали Карповну	16
9. Пернатые артисты	19
10. Оляпка	21
11. Скворцы прилетают	24
12. Песня любви	27
13. Воробьиная перина	30
14. Белобровка	35
15. Жизнь за наличником	38
16. Слетки	43
17. Воробьиный курорт	49

